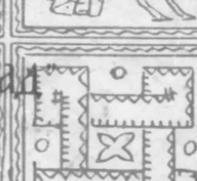
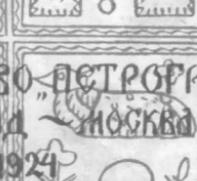
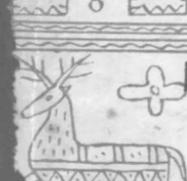
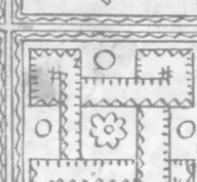
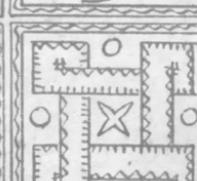
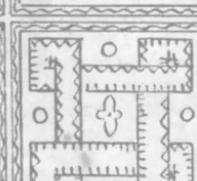
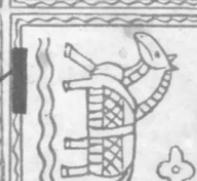
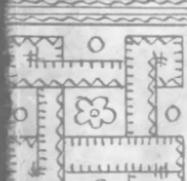
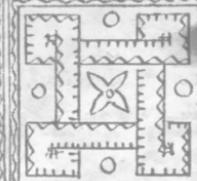
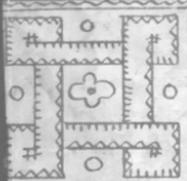

Ф
32.7

И СЕРОВА
НОВГОРОДСКИЕ
СЪЗНАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПЕТРОГРАД"
ЛЕНИНГРАД - МОСКВА

1924

М. СЕРОВА

НОВГОРОДСКИЕ СКАЗКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЕТРОГРАД“

ЛЕНИНГРАД — МОСКВА

1924

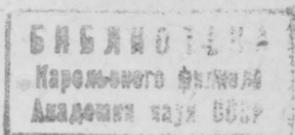
РФ П
СЗ2

1973 г.

1992 г.

2006

74389к

Ленинградский Гублит № 499.

Тираж 4000 экз.

Типография „Красный Печатник“ Ленинград, Международный, 75

„Добрый смех — не грех“, — говорит русская пословица. „Со смехом-то и беда в полбеды живет“, прибавляет другая. И это, как нельзя больше, справедливо. Кто не испытал на себе бодрящего действия здорового смеха? Любит и посмеяться, и беду смехом избыть русский народ, а главное, умеет посмеяться, доказательством чего служат приведенные здесь сказки. Здоровый юмор, соединенный с удивительною образностью и красотой народного языка, делает каждую из них маленькой жемчужиной... Предлагаемые аудитории, они неизменно вызывают гомерический хохот — лица сияют, глаза блестят, и люди уходят встряхнувшимися с освеженною душою, ибо ничто так не освежает душу, как здоровый, бодрый смех...

Пусть же посмеются и те, кто не услышит этих сказок в живой передаче... И если эта небольшая книжка разгонит хандру, а она в состоянии это сделать, и разгладит морщины забот хоть на одном скорбном челе, этим она вполне оправдывает свое появление в печати, и составительница будет считать цель свою достигнутой.

Слышаны эти сказки от кр-ки Тихвинского уезда Новгородской губернии Мавры Осиповны Доничевой и от кр-н Устюженского и Боровичского уездов той же губернии.

М. Серова.

1429*

1. Наговорная водица.

А што, жаланны вы мои, в городу-то у вас на водицу-то шопчут? Слышали про то, али нет? Наговорной та водица прозываетца, и во кака целевна та вода-матушка! Ото всево помогает. Да вот постой-ко, погоди — не далеко ходить — про себя скажу, как мни-ка этака-то водица помогла... Да вить как помогла-то... Лучше не надобно. Да вот послушайте-ко, как дело-то было...

Это я со стариком-то со своим смолоду-то жисть куды как ладно прожила... А вот под старость-ту и приключись с ним што-то неладное — такой поперешной старичишка стал — не приведи господи... Ты ему так, а ен те этак... Ты-ему слово, а ен те — два... Ну, да уж и я-то, родны вы мои, удала была — ен два — а я пять... ен пять, а я десять... Так и такой-то вихорь у нас, бывало, завьетца — хоть святых вон выноси... А разбиратца начнем — виноватого нет! — „Да с чево бы это у нас, старуха. А?!“ — „Да вить все ты, неладной, поперешной... все ты!“ ... — „Да полно-ко! я ли?! Не ты ли?!... с долгиим-то языком...“ — „Не я, да ты...“ „Ты, да не я“. — Да и упячь пошло-завилось, по всем углам шарахает. И до тово дошодцы было, жаланны вы мои, как это утречком старик с печи ноги-то спущает, и пошло... и пошло... хоть из избы вон беги.

Да спасибо — одна старушонка надоумила... Так бабылочка, этак изобочки через три от нас жила... Служала это ена, служала, да и говорит: „Маремьянушка, што это у ты со стариком-то все нелады да нелады? Да сходила бы ты, матушка, к старцу-то на гору. — На водицу старец пошчет... людям-то помогает... Быват, и тебе поможет“. „А и впрямь, думаю, пойду-ко схожу, никто, как господь“...

Пошла этта я к старцу-то. Гляжу — стоит келейка однооконнешка... я этта в оконышко-то постуконала, и вышел старец-то. Низенький этакой... щупленькой, седа бородушка клинушком... — „Што, грит, раба, надобно“?.. „Да вот, говорю, батюшко, помоги... Этаки-то у нас нелады со стариком“... „А пожди, говорит, маленько“... И вынес он, матушки вы мои, водицы в ковшичке, да при мне на эту водицу-то и пошептал... Вот с места не сойти, не лгу... Хрест наложил, вылил водицу в сткляницу, да и говорит: „Вот, раба, как домой-то придешь, да зашебаршит у ты старик-то, а ты водицы-то и хлебни, да не плюнь, не глони, а с Иисусовой-то молитвой и держи в роту-то, покеды он не угомонитца... все ладно и будет“...

Поклонилась я старцу, сткляницу-то взяла, да домой. Тольки это ноженьку-то за порог занесла, а старик мой и себя не помнит... А он у меня, покойник, куды как охоч до чаю был... Уж не пропусти с самоваром ни минуточки... а я у старца-то и позапозднилась... Вот этта ен с печи-то... „Уж эти мне бабы, стреко-тухи проклятушшии!.. пойдут, да и провалятца“... А я, матушки вы мои, водицы-то и хлебнула, да как старец-то сказывал — не плюну, не глону, с молитвой-то Иисусовой и держу ею в роту-то... Гляжу — замолчал мой старик-то! Это слава тебе господи — водица-то кака целевная. Это

я стекляницу-то за божницу, а сама за самовар, да и загреми трубой... А у старика-то глаза на лоб полезли... себя не помнит: „Это неладная-то... не тым концом руки-то воткнуты“... А я упать за водицу... хлебнула... держу... замолчал, вить, старик-то мой...

Да што ты скажешь, родимы вы мои, и пошла у нас тишь да гладь, да божья благодать!.. Ен за ругань, а я за водицу... Да и слава те господи! Все пошло, как по писанному...

Так эво, жаланны вы мои, што водица - то делает... А старик-то мой, покойник, коса сажень в плечах, росту страшенново... Вот эфту притолочину лбом-то вышиб бы... И этаконький-то глоточек таку-то махинуцу сдярживал... Вон оно, сила-то кака в водице-то этой самой, наговорной...

2. Меленка-молодилка.

Слухи-то идут, жаланны вы мои, што ноне дохтура-то старых на молодых передельвают... Думают — поди-этаку диковину удумали, што и видом не видано, и слыхом не слыхано... А оно все в старину-то бывало... всё-ё бывало, родимы вы мои...

Да вот хоша бы нашу Новгородчину взять... И у нас - то дело - то бывало... Мельница, слышь ты, этака под Устюжной на горе стояла... Старых на молодых та мельница перемалывала. Так меленкой - молодилкой и прозывалася... В ковш-то стариков да старух засыпали, а с-под жерновов-то молоды парни да девки так и сыпали... так и сыпали... один другово краше... одна другой ядреней... Што кровь с молоком... не уколупнешь... Вить и моя бабка перемалыватца ходила... Ходила, жаланны вы мои, ходила, да не перемололася... Этако-то дело-то, вишь ты, вышло неладное...

Приплелась этта бабка-то на мельницу... а и сидит мельник-то... Сидит мельник, матушки вы мои, пишет што-то... Ан эфто ен грехи спрашивает, да переписывает... — „А пошто, батюшко, грехи-то пишешь?“ — это бабка-то спрашивает... „А без тово, бабушка, не мелем. Вот и ты сказывай... всё до-чиста сказывай... а утайшь — не перемелешьси“... Бабка-то, покойница, и зачала грехи-то сказывать... А ен пишет, матушки вы мои, да под-

говаривает: „Упомянай, бабушка, хорошенько упоминай... а то не перемелешься...“ — „Да уж, кажись, батюшко, все те выложила... А куды ж это, мой батюшка, грехи-то мои топерича пойдут?“ ... — „А вот, говорит, бабушка, как молоденькой-то с поджернова-то выкатишься, так и зачинай споначалу — все сызнова“ ... Так бабка-то руками сплеснула... „Ох, ты родимой! Да нельзя-ль хоть пяточек-то скинуть... вот энти-то“ ... „Нельзя“, говорит, „бабушка!“ — „Ну, хоть три-то самоглавнии-то...“ — „Не, бабушка, што есть, то и есть — ни одново не скидаецца“ ... — „Ну хоть один-то... вон энтот.. уж больно тяжеленек“ ... — „Сказано, бабка, нельзя... нельзя и есть“ ... Так бабка-то моя и перемалыватца не стала... — „Ну, так бог с тобой и с мельницей твоей, мой батюшко!.. Грех-то, бывает, и сладок, да отрыжка-то от него горьконька на всю жисть оставаетца“ ... Да и поплелась старая во-своеси, не оглядываючись...

Так вот, жаланны вы мои!.. Кабы знато, кабы ведано... Попомнить бы нонешним-то старикам мою-то бабушку...

*Кто первый
ево вымывает*

3. Горшок.

Вот ты говоришь, у вас народ леной... А послухай-ко, што в нашей стороны деецца... Этаких леных-то поискать да и поискать... Так и нароят дило-то на чужи плечи столкнуть — самому бы только не дилать... Вот этаки-то муж с женой и жили у нас в деревне... Уж таки лены... таки лены были изо всей округи... И дверь-то в избу николи на крюк не закладали... „Да притка ево возьми!.. Утром-то вставай, да руку и протягивай, да упать ево скидавай... Да и так живе!“

Вот э така-то баба и свари каши... А уж и каша задалась! Румяна да рассыпчата... крупина от крупины так и отвалилася... Выпяла этта баба кашу из печи, на стол поставила, маслицем сдобрила... съили кашу облизаячись... Глядь, а в горшке-то этак сбочку да на донышке и приварись каша-то... мыть горшок-то надобно... Вот баба и говорит мужику. — „Ну, мужик, я свое дило сдилала — кашу сварила, а горшок теби мыть!“ — „Да полно-ко! Мужиково ли дило горшки-то мыть?! и сама вымоешь!“ — „А и не подумаю!“ — „А и я не стану...“ — „А не станешь — дак и так стоит!..“ Сказала баба, сов горшок-то на шесток, а сама на лавку... Стоит горшок не мытой... — „Баба, а баба! а вить горшок-то не мытой стоит“... — „А чья череда — тот и мой, а я не стану...“

Достоял горшок до ночи... Ладит мужик спать ложитца, лезет на печь-то, а горшок все тутотка...— „Баба, а баба! надобно горшок-то вымыть!“ Взвилась баба вихорем:— „Сказано — твое дило — ты и мой!..“ — „Ну, вот што, баба! уговор дороже денег — кто завтра первой встанет, да перво слово скажет — тому и горшок мыть!..“ — „Ладно, лезь на печь-ту... там видно буде!..“

Улеглись... Мужик-то на печи, баба на лавки. Прошла темна ноченька... Утром-то никто и не встает!.. Ни тот, ни друга и не шелохнутца — не хотя горшка-то мыть. Бабы-то надоть коровушку поить, доить да в стадо гнать, а ена с лавки-то и не крятатца... Этта соседки коровушек-то прогнади... — „Господи помилуй! што это Маланьи-то не видать... Уж все ли по здорову?!“ — „Да, быват, позапозднилась... обратно пойдем — не встретим ли...“ И обратно идут — нет Маланьи... — „Да нет уж!.. видно што приключилося!..“ Ближня-то суседка и сунься в избу... Хвать! и дверь не заложена... Не ладно штой-то!.. Вошла, перехрестилась... — „Маланья, матушка!..“ Ан, баба-то и лежит на лавке... во все глаза глядит, сама не шелохнетца... — „Пошто коровушку-то не прогоняла? Ай понездоровилось?“ Молчит баба... — „Да штой-то с тобой приключивши-то? Почто молчишь-то?!?...“ Молчит баба, што зарезана... — „Господи помилуй?! Да где у тя мужик-то?! Василий... а Василий!..“ Глянула на печь-то — а Василий тамотко лежит... глаза открыты, а не ворохнетца... — „Што у тя с женкой-то?! Ай попритчилось?..“ Молчит мужик, што воды в рот набрал... А эфто, вишь ты, никому горшка мыть не охота, не хотя перво словечушко молвить... Всполошилась суседка... — „Оборони, господь, не напущено ли!.. Пойтить сказать бабам-то...“

Побежала по деревни-то... — „Ой, бабовьки! не ладно вить у Маланьи-то с Василием .. Пойди-тко, погляди — лежат пластом одна на лавки, другой на печи... Глазыньками глядят, а словечушка не молвят... Уж не порча ли напущена?!“

Прибежали бабы... почитай все собралися... Лоскочут коло Маланьи да Василя... — „Матушки! да што это с вам подеялось-то?.. Маланьюшка!.. Васильюшко!.. Васильюшко... Маланьюшка... Да пошто молчите-то?! Што приключивши-то?!“ Молчат... молчат обое, што убитые... „Да беги-тко, бабы, за попом! Отчитывать надобно... Дило-то оно совсем неладно выходит“.

Сбигали... пришел батюшко-то... — „Што тако, православные?..“ — „Да, вот, батюшко штой-то попритчивши. Лежат обое — не шелохнутца... Глазыньки открыты, а словечушка не молвят... Уж не попорчено ли? Не отчитывать ли?“ Батюшко бороду расправил, да к печки: — „Василий! раб Божий! Што приключивши-то?..“ Молчит мужик... Поп-то к лавки. — „Раба божия! Што с мужем-то?“.. Молчит баба... — „Да уж не отходну ли читать? Не за гробом ли спосылать?!“ Молчат, што убитые... Бабы-то этта полоскотали... полоскотали... да и вон из избы-то... Дило-то оно не стоит... кому печка топить, кому ребят кормить .. у ково цыплятка, у ково поросятка... А батюшко-то: — „Не-е, православные, уж этак-то оставить их и боязно... Уж посидите кто-нибудь“... Той нековда... другой нековда... энтой времячка нет... — „Да вот“, говорят, „бабка-то Степанида пушай и посидит... Не ребята и плачут... Одна и живе...“ А эта-ка бабка Степанида рученкой подперлась, поклонилась... — „Да не-е, уж, батюшко... нонече даром-то никто работать не стане. А положь жалованье, так посижу...“ — „Да

како же те жалованье-то положить?“—спрашивает батюшка... Да повел этак глазам-то по избе... А у двери-то и висит на стенки рва-а-ная Маланьина кацевейка... Вата клоками болтаетца.. — „Да вот“, говорит батюшко, „возьми кацевейку-то... Плоха, плоха—а все годитца хоть ноги прикрыть“...

Только этта, жаланны вы мои, батюшко-то проговорил, а баба-то, што ошпарена, скок с лавки-то... Середь избы встала, руки в боки. — „Да эфто што же такое“, говорит, „мое-то добро... да не помираю ешшо. Сама поношу, да из теплых-то рученок кому хочю, тому и отдам“... Ошалели все... А мужик-то этак тихонько ноги-то с печи спустил, склонился, да и говорит:— „Ну вот, баба, ты перво слово молвила, тебе-ка и горшок мыть“. Так батюшко-то плюнул, да и вон пошел...

Так вот, матушки вы мои, какой народ на билом свиту бывает... А нигде, как у нас под Устюжной...

Баба хуже черт

4. Как баба шиша напужала.

Шла баба с городу... домой... А деревня-те за реку... пришла эта баба — лодки нет... Ена туды... сюды... вси на другой берег угнаны... да и мужиков-те не видать... Ена кричать... кричала... кричала... никовушки... Усилась баба на берегу... ждать... пождать... нет лодок на сю сторону...

Сидит баба день... сидит — два... видно, так уж надобно... на третий-то день и выругайси... да и выругайси-то этак нехорошо... „А хоша бы анчутка перенес“... Этта с сердцов-то молвила... Ан, ен тут как тут... отколь взялси — неведомо... Росту страшного... спина широкая... „Садись... перенесу“... Усилась баба шишу на спину... за рога ухватилась... „Неси...“ А баба-то, Матреной звать, этак аглашенна — ей по колено морюшко... Естя этаки-то...

Понес шиш бабу за реку... Сидит баба, за рога ухватилась... На широкой-те спины угнездилась... Шагает шиш. Бабы весело... За рога шиша подяргивает... „Бери левой... этта колдобина...“ Донес шиш бабу до берегу... „Неси обратно... узелок забыла...“ Понес шиш бабу назад... и упячь за реку... не слезает баба... „Неси мимо...“ Понес... Любо бабы... любехонько... за рога подяргивает, по бокам поколачивает... Возил... возил... аж спинушку разломило... А баба все сидит... Сидит да постукивает... Взмолился шиш: „Слезай ты,

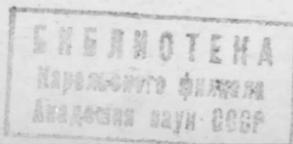
слезай...“ Полно... А баба знай свое... „Вези... не то... хрест наложу!“ ..

74389K
Делать нечево — везет... Выскочил шиш из реки, што ошпаренный... да по дороге... Не поможет ли кто... И еде навстречу мужик с горшками на ярманку... Шиш к нему... „Дядя Иван! помоги... хвати ее кнутом!.. Я тя человеком сдилаю... Словно приросла проклятая... Смучила“... Соскочил мужик... давай бабу кнутом охаживать... Баба с анчуткиной спины кубарем... отколь прыть взялась... „Ну“, говорит мужик, „кака же ни-ко награда будет?!“ „А вот войду я в царьску дочь... стану ею мучить... а ты лечить приходи... Большу награду царь даст... Потому как дочка единая...“ „А как же ж лечить-ту?..“ — „А в чашку чистой воды возьми... сядь коло царевны-то... на воду-то гляди, запопчи што ли ни есть... А под конец-то крикни: Изыде!!.. Я и выскочу“... Ладно — уговорилися...

Вошел шиш в царевну... бьеца бенна, аж глядить тошне-хонько... Никто помочи не дает... никто вылечить не может... Бились, бились дохтура-те... и свои, и заморьски... Гди тут... На аршин на кровати подкидывает... Бытто анчутка-то забавляется...

Кликнули клич... кто вылечит?.. Дядя-то Иван и объявился... „Я могу...“ „Да точно ли можешь ты?..“ „В лучшем виде... уж будьте покойны... вылечу!“.. „А што тебе для тово надобно?..“ „Да чашку чистой воды...“ Принесли...

Сел дядя Иван коло кровати... На воду глядит, шепчит... Бьет царевну хуже тово... „Изыде!“ говорит Иван... а царевну пуще... „Изыде!“ Не тут-то было... Понравивши шишу на лебяжий перины прохладжаться... Не выходит...

Што тут делать? Мужик-те и так, и сяк... „Я-те помог— от бабы ослобонил, выходи!..“ Шиш — словно тово и не было... Ждет-пождет царь... Што больно долго?! Пошел посмотреть, какво лечит-то. Бьет царевну пуще прежнего... „Ну, што-ж?.. вылечил?!“ „Какое тут!..“ „Ну, смерть тебе... готовьси... на расстрел!..“ и с винтовкам уже у двери ждуть... А дядя Иван: „Подождите маленько... что-нибудь да удумаю...“ „Три минуты тебе-ка на раздумье-то!..“

Подошел Иван к окну... Глядь, кака-то баба идет... Ево и осенило... Стой!.. не пойдет ли шиш на эню удочку!.. Выглянул за окно-те, да и кричит: „Што, Матрена, не за реку ли собираешься?! Подь-ка сюды, матушка!“ Услыхал шиш... ка-аак порнет из царевны-то... да без оглядки... Только ево и видели... Думал, та сама баба-то...

Во как напужала, окаянная!..

Дорогие и умные
Стройко со мной
иди

5. Дурачок.

Дурак — говоришь ты?!.. Поди-кось... Не промахнутца бы... Дура-ак... Да иной-те дурак умней умново. Иной умник-разумник тово не удумает, што дураку-те влезит в головушку... Вот послухай-ко, што стары люди сказывали...

Было у мужика три сына... три брата ронных... Двое-те умники-разумники, а третий дурак... Все молчком... все молчком... Вот и собралси мужик помирать... Поделил, как надобно... что кому приказал.. а скотину так поделить — што к кому во хлев зайдет — тово и будет...

Ланно... схоронили отца... Старши-те братья и опрытали свои-те хлевы — штоб места больше было... опростали... Чисто-на-чисто выпахали, а дурачок осоки наризал, да в углы-те и накидал... На утрие-то глядь-поглядь... а скотинка-то вся у дурачка во хлеву... на осоку-те пришла. Вот братья утречком-те раненько во хлевы .. Што тако?—вся скотина у дурака... Неужто же ж нам ничаво?!. Взяли, да всю и выгнали... оставили ему коровенку что ни есть худшую.

Ланно... зовут брата дурашново: „Глянь-кось, на твоей-то осоке коровенка лядаща стоит!“ „Ну, што-же — божье произволение — пойду продавать!“

Повел коровенку на базар... А идтить-то лесом... В та поры леса у нас во каки стояли... не теперешнее времячко — жер-

дины не вырубишь... Шел... шел... заблудился... плутал.. плутал... вышел в ядину... Стоит в ядины агроматный дом... А дом-те разбойничий... и сидит у них старуха в дозорщицах... А дурак-от ласковой, што теленок... Ен ей, старухе-те: „Здорово, баушка, жаланна ты моя. Как господь милует...“ Ена ево и сжалила, и спустила ево под пол... Сидит дурак.. А на дом-те двое набрели... то-ж на базар шли скотину покупать... Испить захотели, да в дом-те и зашли... Старуха-то и их пожалила... да туда же в подпол к дураку-те и спустила... Оно уж видно так надобно... Сидят — трое.. Дурак-то и спрашивает: „А вы кто да куды?..“ — „А на базар...“ „А чево покупать-то ладили?“ Один — коровушку, другой — лошадушку. Да этаки откровенны люди попались... „Денег-то“, говорят, „порядочно прикоплено, так уж ладили хорошу брать...“ Этак-ту поговаривают...

Только, жаланны вы мои, и едут разбойники... Сили за столы... пили... пили... песни грохали... Вот запели песню развеселую... а дурак-то и говорит: — „Э-эх!! Хороша песня!.. моя любимая!.. Вытяну-ж и я коленце... не терпит сердечушко“... Да рот-те и разжанул... А тыи ему: „Молчи-кось, ты, молчи!! ради господа, помалкивай... мы те за это по сотни дадим... „Ну, рази што так“... Выдали ены по сотни, а у ево дви... Ланно... Высватал у них по сотенки, сидит, молчит...

А разбойники-те и грянули плясовую... „Э-э-эхх!!“ говорит дурак: „и песня!.. Вся по мне и самая-та — энтая!.. гряну-ко я коленце — не терпит ретиво-сердечушко!!!“ Да рот-то и разжанул. А тыи, двое - то, и руками замахали: „Полно-ко ты!.. полно!.. Нишкни ты, ради господа. Дадим те за то ище по сотенки...“ „Ну, рази што так“... И выдали ему еще по

сотни... Ены по дви, у нево—чатыри... Высватал у них и эти денежки... Сидит—ни гу-гу!..

Вот разбойники-те и заведи скоморошью... песню-ту... А дурак скочил, да коленце-то и вывернул... „Э-э-ех!.. и песня... Самая-то моя разлюбезная. Уж топеря гримну и я с ними вместе...“ А ты двое-то рот ему зажимают, да по третьей сотни в руки-те суют. Только нишки ты, ради самото-то создателя... Они по три... у нево шесть... У них ничево... у него цело богатство... Вот-те и дурак...

Ланно... А разбойники-те учуяли—штей-то неданно под полом-те... „Старуха, а старуха! Ктой-то у тея под полом-те топчетца?“ — „А никово нит“... „Ай, врешь, стара шутовка!.. поглядим—хуже будет... Сказывай!“ „А так полудурье како-то забредши... и взять-то с нево нечево“... А они и говорят: „Веди сюды... тамотка увидим“... Пошла старуха под пол, ведет дурака... А ены и говорят:—„Не оттово ли нам и удачи седни не было?.. Ходили... ходили... а удачи нет... Може—на дом послано...“

А дурак-от слышит тыи речи про удачу-ту—вышел, да и говорит: „А я, грит, знаю, пошто у вас удачи не было“. — „А почему тако?“ „А потому вам удачи не было, что завелись у вас в подполе новы черти... всю удачу вам и сглонули... Хотите—выгоню—опять удача с вами будет...“ „Выгони, пожалуйста! — мы тебе денег полну шапку насыпем...“ „А ланно... Давайте кудели, да огонька...“

Дали .. Ен в подвал... да и щепчит тым, двоим-то: Выведу, мол, только слушайте... Куделей-то и оммотал... Да к разбойникам:—„Станьте“, говорит, „подаде... круг оввину... черти-то...“ У тых и дух захватило... Нечиста сила, поди-кось с ней...

А дурак-то в подпол... Зажег куделю-то на тых, на двоих-то... „Бегите, мол, што духу, в лес... тамotka разматается“. Стоят разбойники... а мимо их двое огненных.. ка-ак шастнут... да в лесу и пропали... „Вот“, говорит дурак, „таперь вся удача с вами будет... пропали черти... Я тако слово знаю“...

Ены ево и наградили, и коровенку отдали... Ен на базар... коровенку-ту продал... у него денег-то и куры не клюют. А дурак-дураком... смекай-ка...

Вот и приходит домой... Шапку долой... денежки на стол— считать... Считал... считал... спутался... начинай сызнава! А братья дивуются: отколь взялось эстолько... Вот и спрашивают: „Дурак, а дурак, отколь столь денег взял?“. — „А коровенку-ту продал... Поне шкуры-те дороги были, так на шкуру взяли“. — „А за сколь отдал-то?..“ „Да поболее сот шести отвалили... Больно шкуры-те дороги были...“

По деревне-те и пошло, и пошло... „Слышь-ко, дурак-то коровенку на шкуру продал, сот поболее шести отвалили, сказывал, больно шкуры-те дороги были“... Ох, жаланны вы мои! Што тут подеялось!.. Братья-те умники, да, почитай, полдеревни, не спросивши, не визнавши... коровушек-то перекололи и пошли на базар шкуры-те продавать...

Ланно... Стоят в кожевном ряду под-рядовку... Их люди те и спрашивают: „Почем, дескать, шкуры-те отдаются?..“ — „Да сот по шести за кажную“... Што тут сталося!!.. Их дуть, на все боки обрабатывать—не спрашивай не дело-те, да половину и перевязали... Насилу-то отбилися...

Братья пришли домой, да дураку-то и говорят: „Чаво-ж это ты околесину-то нес?.. Чуть не связали нас...“ — „Да вы где стояли-то?!“ „Да в кожевном...“ — „Ну, а я в гор-

шешнем...“ — „Ишь ты! а нам и невдомек... Так бы и ска-
зывал...“

На другой-то день и пошли в горшешной ряд... Стоят...
по вчерашнему... по шести сот просят... Опять им в загорбень
наклали... Ены опять дураку пеняют... А ен им: „А вы бы
в обжорный перешли... тутотка рядом...“

На другой-те день их и в обжорном взбутетенили... Вот они
и думают: „Ланно... погоди-ко ты!...“

И удумали посадить его в бочку да и пустить на воду.
Посадили, жаланны вы мои, в бочку ту... прикатили на берег,
да и спустили на воду... Тут и бросили, а сами домой... А бочка-
то покачалась... покачалась... да на камени и села...

И едет этта на тройки отставной управляющий... Кони—
што соколы... А дурак-от в бочке-то... „О-о-х-х-о-х-х-о-о!
Ни читать, ни писать... ни доброва слова сказать, а в упра-
вляющие везут!!“ А отставной-то управляющий слы-
шит тыи речи-то. „А пусти ко меня-то на твое во месте-
чущко — я больно хорошо умею... а ты бери мою тройку
замис тово“.

А дураку-то и ладнехонько. Вылез дурак из бочки... а упра-
вляющий то на ево мисто, да бочку-то и столконул... и поихал
управляющий, с великово-то ума, неведомо куда. .

А дурак-те в тройку сел—возжей шевельнул... домой пока-
тил... прикатил домой... а братья и спрашивают: „Отколь у ты
тройка этака?..“ „А со дна пригнал... Я как нырнул на дно-те,
а там тройкам делят... я и выбрал эту саму, сел да и айда
домой...“ „Да ты правду ли сказываешь-то? Не угнал ли часом
где?!“ — „Говорю, на дни дилили... Врать што-ли-ча вам
буду?! Сами, чай, в реку-ту спускали. А уж и кони там...

Больно хороши... да, чай и сами видите“ — „Так спусти-ко и нас... и нам дадут!“ „А для ча не дать... дадут!“

Посадил он их, умников-то, в бочку, спустил на воду ту...
Поди и по сю пору плавают... А дурак-от жить-да поживать да добра наживать...

Так вот-те и дурак... И дураки-те ены разны бывают...
Иному умнику-разумнику и в головушку-ту не влетит, что дурак-от удумает...

- 4) С того света
 выходы
 2) Свисть пестря.
 3) Сюжет под шид...

6. Дурни.

Жили у нас на деревне мужик с бабой... Мужик-то парень непромах был... а баба-то—дура не дура, а так захлеснувши маленько... И был у них сынок Афонюшка, кудреватая головушка... дитяtko единое, кормленое, холеное... Матка с баькой не нагляделися, а пуще баба оммирает об сынушке...

А тут и приключись у нас неладное—кака-то хворь пошла. Животом схватит... покрутит, покрутит—и на погост тащи... Скрутило и Афонюшку... Вот баба убивалася... не пила, не ела... все по Афонюшке голосила... Уж мужику-то и тошнехонько пришло... От дела отбилась баба. Под окошком сидит, на погост-то глядит, источным голосом воет—по сыночке причитае...

Билси, билси мужик—и пошел в город на заработки... А город-то почитай в другом царстве будет... этакта глушина в нашем-то краю...

Осталася баба одна... сидит... голосом плачет... А и идет солдат в полной амуници... а баба-то этаких-то еще и не видывала... Говорю, глушина у нас—не дай господи...

Подошел этта солдат к окошку-то—воет баба не своим голосом, а и видать, што в голове у бабы заморозки... Просится солдат ночевать... Глянула баба—невидано, не слыхано

этаких-то людей... „Да ты кто же будешь-то?...“ спрашивает... „Откудова?“ — „Да я, бабушка, никонец, с тово свету выходец... На побывку иду, на завтра обратно лажу“... „Ох, жалацной ты мой!! А у меня недавнечко сыночек помер... Не видал ли не слышал ли ты чево?! Афонюшкой звать?!“ — „Видал, бабушка, видал, твой Афоня на небе боронит... Лошаденка-то худая... полосынька кривая... пенье да каменье, а где и кустечки“... — „Ох, ты, батюшка мой!.. Поди изодравши, родимый... Дитятко ты мое роженое!“ — „Да еще как изодравши-то, бабушка!! Рубаха беспоясая, одного рукава нетути, порты по колено... тово гляди—свалятся!!“ — „О горе... горе горькое, сынок ты мой, Афонюшка... и бос, и наг...“ — „Боском... боском, бабушка... по пенью-то, камению-то... в крови резвы ноженьки“... — „Ох, батюшка... Есть у меня конец-другой холета, на портички-то сынушку, да рубаха кумашна новехонька, ево же голубчика, да сапоги со скрипом были сложены, в кладовушке, висят... не снесешь ли голубчику?!“ — „А чево не снести, бабушка!.. Все снесем и поклончик скажем...“ — „Золотой ты мой!.. Так я же той минуточкой...“

Побежала баба в кладовушку добро собирать... Узел навязала, едва тащит... — „А кормят-то чем голубчика? Ен у меня грешневу кашу... во как охоч был“... — „Хватила, бабушка: каши... да ешшо грешневой! А не хощь ли журавлиново яйца?“ — „Да што ты, батюшка?.. А у меня гречи-то целой мешок стоит непочатой... Не захватишь ли?... Я бы и котелочек дала... Толи под кустечком-то и сварили бы“... — „Да не снести, бабушка... разве што на лошади...“ — „Дак сейчас я запрягу, золотой ты мой!.. У нас и телега-то новехонька, да и меринки-то молоденькой... Единым духом домчит“...

Помог солдат. Телегу выкатили... добро уложили: гречи мешок, да горошку прибавила бабушка. „Постой, еще рукавицы, да шапку-то“. — Вынесла баба денег, шапку да рукавицы новы... „Прощай бабушка. Завтра ввечеру все будет у Афонюшки...“

Тронул солдат меринка... покатила телега новая... поминай, как звали. А баба у окошка уселася... сидит, усмеяется: „Ладно сыночка справила—и обула, и одела, голубчика... да и кашки поест сынушка“...

А мужик-то в город пошел да и одумался: — „А што как с бабой-то неладное что приключится?..“ Этта, жаланные вы мои, взад, да домой. К избы-то подходит... а баба-то и сидит, ухмыляется... — „Што-тако?! Ты чево это, баба?! — „А я, батюшка, с радостью... Был седни никонец, с тово свету выходец, от Афонюшки весточку принес.. Наш-то Афоня на том свете боронит... Лошаденка-то плохая... полосынька кривая... дитяtko изодравши, оборвавши: рубаха без пояса одного рукава нетути, порты по колено... тово и гляди свалются... Так я послала холста два конца, рубаху кумашну, сапоги со скрипом, рукавицы новы, да шапку на русую головушку... А как дитяtko журавлины яйца на прокорм дают, дак я мешок гречи... да котелок сунула, да горошку с мерочку... Завтра ввечеру все будет у Афонюшки.“ — Глядит мужик: — „Да какже-ж унести-то с эстолько-то?!“ — „Полно-ко, унести! да я, чать, в телегу новую меринка запрягла... единым духом домчит до сынушки“... Ахнул мужик. — Бить — добра не выбьешь... ругаться—толку нет... „Ну, баба, прощай! Пойду по свету дурей тебя искать... найду—до смерти тебя кормить стану, не найду—со двора сгоню...“ Повернулся мужик и пошел...

Степно

Долго ли, коротко ли—усадебка стоит... Дом барской, двор широкой... по двору свинья с поросятами ходит... у окна барыня сидит... Скучнехонько барыне... муж в городе... ей делать нечево... Поглядел мужик на барыню... Стал свиње в пояс кланяться... и шапку снял... Увидала это барыня... посылает горнишну: „Поди спроси, чего мужик кланяется?...“ Пошла горнишна... мужика спрашивает:— „Чего ты тут поклоны бьешь?“ „Да вот, матушка, ваша свинья пестра—моей сватье сестра... а сватьюшка дочку просватала—так на свадьбу зову с поросятами... Видит барыня—хочет горнишна... за живот хватаетца... Машет ручкой барыня—иди, мол, скорей... што такое?... — „Да вот просит свињу на свадьбу и с поросятами...“ Засмеялась барыня: „Вот дурак... ха-ха-ха!!! Нарядить свињу в мое шелковое платье, поросят в чепчики... да запречь новую коляску... пушай люди посмеются...“ Обрядили свињу с поросятами, лучше не надобно, посадили в новую коляску... Сел мужик за кучера... только его и видели... Развеселилась барыня... хочет, не уметца...

Воротился барин с города... „Што так весело?!“— „Ах, душенька, был тут мужиченко дурак... Свиње нашей кланялся, на свадьбу просил... Отпустила... и с поросятами... В шелково платье одела... поросят в чепчик... — В новой коляске и отправила...“ Ахнул барин...— „Не мужик дурак, а ты дура!! Где теперь искать!!.. Куда хоть поехал-то?!“ И тово барыня не видала...

Вскочил барин на коня, да в погоню, напал на след... Слышит мужик—догоняет его кто-то... завернул в чащу... лошадей привязал—сам на дорогу... А тут стадечко паслось, блинов у коровушки, сколь хошь, напечено... Взял этта мужиченко

этакой блинок, да своей шапкой и покрыл... Сидит... дожидается...

Скачет барин. „Эй! ты! как тебя!“ — кричит — „не видал ли мужика на паре в коляске и свинья у него еще с поросятами. Как бы догнать?!“ „Догнать-то можно... да дорог-то много, заплутаешься“. „Не съездишь ли братец, догнать надобно?..“ „Нельзя мне, барин, птицу заморскую стерегу: упустишь — шкуру спустят...“ — „Да я постерегу...“ — „А как да упустишь птицы цены нет... — сживет меня барин со свету“... „Я тебе полтыщи дам, только догони...“ — „А не оманешь?! на посулы-то все легки да скоры“... „Экой ты какой!.. Вот и деньги... садись на мово коня да гони, а я тут посижу“.. Взял мужик деньги сел на коня — только ево и видели...

Сидит барин... мужикову шапку стережет... Солнышко за лес садиться стало... нет мужика... А под шапкой не шевелится... Што за птица така? Поглядеть бы. Да вдруг упустишь?! — Не вытерпел барин, сунул руку под шапку, да в коровий блин и угодил... Плюнул барин, догадался, што околпачил ево мужиченко... Поплелся домой... целу банку духов у барыни извел, — все руку отмывал...

А мужик домой приехал... с добром на паре... „Живи, жена... ево, слышь, сколь дураков на свете есть. Ни за што, ни про што добром наградили, да и денег отвалили...“

Как от жерм мад
утаить

7. Жена доказчица.

У нас в Новгородчины дило-то было.. Жили в стары годы муж с женой... Мужик-то тихой... смиренной... што теле-нок... А уж баба!!.. Этаких-то баб и на белом свету раз-два, да и обчелси... Така трескотуха, така лоскотуха.. не приведи господи!!.. Кажино-то слово в роту захватит, да своих десяток прибавит — и пошло.. и пошло.. Всих-то перебаломутит.. баб-то всех волосьем промеж себя перевяжет!.. А сама все суха из воды выскочит... Этако зелье... Этако зелье... И не ухватишь ты ею никак.. Што вьон промеж пальцев уйдет... Ена в стороны, а мужику досталось!!.. Отдувалси сердешный своим бокам за этаку женку. И оглоблей били, и кулакам спину разглаживали. У другово давно бы эфта баба без косы гуляла, а ен рукой махне, да за работушку тово дюжей...

Вот однова и пойди энтот мужик в лис за дровам. Выглядел этта три березоньки, да за топор.. Тольки размахнулси и провались ево права ноженька по колено в землю. Што тако?!.. Выпростался мужик... глядит... дыра этака кругловата, глубоконька... Лег этта на брюхо, руку-то сунул, а там как котелок... Да никак клад в руки даетца?!.. Стал мужик рыть и вырыл энтот самый котелок... А котелок-то — с краям вровень — все рублевики да лобанчики...

Дило-то оно—подай, господи, каждому... Одно неладно—баба!!.. С этаким-то котелком век живи—не охнешь—только б воевода не узнал... Да с этакой бабой рази утаишь?!.. Да той же ж минуточкой по всей волости и разнесет... А уж как до воеводы дошло—все и ушло... В казну, вишь ты, клады-то представлять было надобно—исполу.. А како там исполу!! Почитай все у воеводы и останетца, в казну-то там што... што, ну, а уж теби-ка какой рубль перепал—и ланно... Дило, брат, тако...

Вот этта мужик и задумалси, как от женки клад утайть, штоб воевода-то не дозналси... Думал.. думал, да и удумал. Взял эта маленько рублевиков, котелок в дыру... землю заровнял да на базар.. А сторона-то у нас рыбная, озерная.. Навезут этта на базар-то и окунев, и плотвы, и щук, и лещов живых... так и трепыхаются... Накупил мужик рыбы энтой да по дороге в лис-то и пороспихал в овсы—будто ёна из реки-то сама зашодцы... — „Эх, думает, топеря бы мни-ка зайченка роздобыть!..“ Ан, на встречу то и иде мужик-охотник с соседней деревни—за уши зайченка-то и держит.. — „Здорово!“ — „Здорово!“ — „Куда зайца-то ташшишь?!“ — „А не говори!!.. Приехавши в усадьбу с городу бара... приноси да принеси зайченка ребятишкам на забаву... Посулил.. вот и несу“ ..— „А продай мни-ка!“ — „Да чево тут продай! — Бери и так—мни-ка и ног не ломать—семь верст киселя не месить...“ — Отдал охотник зайченка, а мужик-то с зайцом-то к реки... А ен вентерю по реки-то ставил—рыбу ловил... Вытащил ен вентерь-то, зайца в ево сунул, да упячь в воду и спустил...

Все этак-ту уладивши, домой пришел—а женка-то у печи с ухватом... Сел этта на лавку. — „Женка, а женка! дило-то

оно како выходит!..“ А бабу-то што волной вздынуло... — „А што тако?!“ — „Да говорить-то тебе погодить — не удержишь..“ У бабы и горшок в сторону... — „Васенька, жаланный, скажи..“ — „Не-е... лучши помолчать, не утерпит твой язык..“ — „Вот те христос! никто не узнае..“ — „Знаем, брат, твое не узнае, всих оповестишь... А тут... коли ежели с умом..“ Взяло женку за живое!.. Забожилась баба... „Да с места не сойтить.. Да провалитца мни ставши... Да лопни мои глазыньки, коли я..“ — „Не-е, баба, и не божись... не заклинайси... зна-а-аю!!!..“ — „Хоть помереть сей минуткой!.. Да разрази меня царица небесная... Хошь образ со стены сниму да поцелую!“ Крутит мужик головушкой... — „Ну, хошь — земли горсть съим?..“ — „Ну, ланно, баба, земли ись не надобно... а тольки молчи,... молчи, ради господа!..“ — „Васенька!! да я!!!..“ — прижанула баба руки ко груди... — „Ну, слухай... Клад в руки дался..“ — „Ва-а-асенька!!!.. жаланной!!!.. И где?..“ — „За Матешиним болотом... на пригорки.. у трех берез..“ — „А много?!..“ — „С умом жить, так на-век хватит... Бери-ко мешок, да пойдем обирать..“

Пошли... идут этта... А мужик-то... — „А што женка, люди сказывают, скоро свиту переставленье буде!..“ — „Ешшо што!.. удумашь тоже!“ — „Старец сказывал... В старом Ерусалими был... так оттель..“ — „Полно-ко! да заложил твой старец. хорошенько — да и ты с ним — вот тебе и свиту переставленье...“ — „Не-е, женка, старец-то и приметы сказывал..“ — „Ни в жисть не повирю..“ — „Да ты слухай-ко: перед концом-то“, сказывал старец, „вся рыба в овсах очутитца... а зайцы-то в реки жить уйдут..“ — „Эва, понес околесицу!.. Говорю — оба вы со старцем-то анчутку видели...“ Да и рукам сплеснула:

„Ва-асенька! Да и впрямь...“ А эфто подошли к овсам-то, а рыба-то и лежит... Баба-то и ошалела... — „Ба-а-тюшки! да сколь ей тут...“ — „Говорю тебе — старец сказывал...“ — „Ох, желанной! и щука, и окунь... гляди-тко... гляди...“ — „Чево уж тут...“ — „А морды-то ноне ставил?!...“ — „Стоя-ят...“ — „Пойтить — поглядеть...“ Побежала баба к вен-терям — хватъ, а заяц-то и сидит... Завопила баба не своим голосом... — „Ва-асенька!“ — „Нишкини, ты, оглашенная!.. А клад-то?!“

Пошли клад добывать... Вырыли... в мешок склали... А бабы рыбы жалко... сама в руки даетца... — „Свету-то пере-ставленье когда еще буде!.. а я те ушицы сварю да рыбничек слажу...“ Набрали и рыбы целый мешок... Только стали этта из лесу-то выходить, а и зареви чей-то козел не своим голо-сом... — „Штой-то, Васенька?“ — „Молчи-ко ты, молчи!..“ — „Да не наша ли коровушка... не ведмедь ли дерет!..“ — „Да помолчи-ко ты, неладная! Али не знаешь? Какой ноне день-то?.. Пятница!.. а по пятницам-то чорт с нашево воеводы шкуру дерет, эфто он и ревет... Кажинну пятницу этак-то...“ — „Эва-а што!“ — „То-то и оно-то... помалкивай знай...“

Пришли этта домой-то... клад мужик под печкой зарыл... ладит нову избу ставить... коня хорошево приглядывает... А бабы не терпятся. Деньги лежат, да не развернись... Вот эфто ёна сѣдни да завтра под печку сходит... смотришь — и сарафаны пошли красны, полушалки шелковы, сапоги со скри-пом... чай да кофеи... А там — милости просим, гости дороги! Не обсевки в поле — есть чим попотчивать...

Смотрит мужик — неладно оно выходит... Седни гулюшки... завтра погулюшки... никакowo кладу этак-ту не хватит! — „Баба,

а баба! работать надобно!“ — „А на свою половину гуляю... на мой век хватит...“ — „На како такую свою половину?!“ — „А што клад-то найден...“ — „Да окетись, какой клад!.. во снях, бывает, привидевши...“ А у мужика клад-то в друго мисто унесен... — „Как так во снях привидевши?! Да не с тобой ли, бестыжи глаза, добывали, да под печку прятали?!“ — „Да полно-ко ты, лоскотуха неладная!“

Баба-то под печкой хватя!.. ан пусто... — „Ну, постой же ж ты, погоди!.. Всё воеводы начисто выложу“... Скрутилась этака баба, хуже не надо, да к воеводы... Бух в ноги!.. — „Воеводушко-батюшко! Погубитель-то мой... клад нашел... от твоих ясных очей затаил да и ума решивши .. пьет, не просыпаючись... меня, сироту бьет... душенька вон... эва, во каком отеребьи хожу... смилуйси!..“ У воеводы и усы, што у сома, заходили... — „Кла-ад!... Такой-сякой... переэтакой... Да я ево!.. Эй, дьяки! понятых взять, у Васьки клад отобрать, а чево не достанет, на спине батогами записать.“

Пришли этта понятые с дьякам к Васьки в избу... Баба на печь забравши, глядит, што буде... Сидят дьяки на лавки... — „Эфто ты, Василий, што-о?! Клад давши, а ты затаил?!. Аль правов не знаешь?!.“ — „Да где он клад-то, старички?!.“ — „Да твоя же баба сказывает...“ — „Да кто же мою-то бабу не знае: и соврет—не дорого возьмет... Чать сказывать нечево, кака она трескотуха есть...“ А баба с печи—скок! — „А-а! так-то ты!! Пойдите-кось, старички, сама все, как есть, выложу. А и дило было коло полуден... Пришел этта мой-то из лесу—пойдем, мол, клад обирать. Взяла этта я мешки... идем... А как ноне времячко ко свиту переставлению подходит, так рыба-то вся из рек-то в овсы перешодцы...“ —

„Эва, слушайте, какую околесину несе!“... А баба-то: „Да ты постой... погоди... я те все выложу. А и набрала я той рыбы мешков пять, на возу не свести... Ай, скажешь, не было?! А пироги-то кто ил?! А зайцы-то вси, старички, все в воду ушодцы... Вот с места не сойти... больши их сотни в реки видала, а один так ешшо в винтерь попавши был, так за уши домой принесли... Скажешь, нет?..“ А мужик-то головой качает... — „Эво, старички жаланны, видали вы этаку бабу?! Да слыхано ли дило, штобы рыба в овсах жила, а зайцы в воды водилися?!“ — „А, скажешь, не было?.. Да лопни моя утробушка — своим глазам все видала, своим рученькам обирала... Ну, старички, коли тому не верите... да вот уж дило чистое, самы знаете... А и было дило в пятницу, в само-то времячко, как чорт воеводу дерет“. Тут уж дьяки вступились... — „Даты, дура баба, чаво ешшо?! Какой чорт... каково воеводу?“ — „Да нашево - то... вить кажну пятницу этак-ту...“

Ну уж и прописали бабы воеводу!.. Поди кажну пятницу споминала... Неделю на спинушку-то было не поворотитца... Зато шелкова стала — не узнать... А мужик-то и избу нову поставил, и коня обрядил, и скруту справил... А женкой-то и посичас не нахвалитца... А чуть што... сичас воеводу с чортом и помянет... и подовторять не надобно... Во как в час пришлось.

- 1) Самом на дороге
- 2) Украли коня у царя
простому, барану

8. Мамыка.

Жил у нас на деревни дедко с внуком. Дедко-то старый... старый... А внук-то ленивой... ленивой... палец о палец не ударит. Дедко-то сам дров наколи, и воды принеси, и сваря и сжарь, и спарь... и рубаху себе вымой... „Внук, а внук! от бога грешно, от людей смешно... Я, старик, окарачь ползаю — работаю... Ты — молодой парень — палец о палец не ударишь...“ — „А вот, дедушко, обучи ты меня этак жить, штобы сладко есть-пить, да ничево не делать, так я тебе с утра до ночи, рук не покладаючи, роботать стану...“ — „Так пойдём учителя искать...“ Пошли...

Только этта за околицу-то вышли, а и идет первой вор навстречу... — „Здорово, дедушко! куды это собралси?...“ — „Да вот Мамыку в науку веду“. Это внука-то Мамыкой звали... — „А чему обучать-то ладишь?“ — „Да вот, говорит парень, обучи этак жить, штобы сладко есть, да пить, да ничево не делать — так собираетца с утра до ночи, не покладаючи рук, роботать“... — „Так давай мни-ко, одним махом обучу“... — „Правда?!“ — „Как пить дать!!...“ — „Ну, так и ладно!.. Недалеко и ходить — стары кости ломать — подите с богом, а я домой...“ Старик-то домой, а Мамыка-то с вором пошли...

Идут этта через соснову рощу... Маштовы дерева стоят, верхушкой в небо ушли... Глядеть — так шапка валитца.

Вот парень-то и спрашивает: „Дяденька, а дяденька! А чему вы меня обучать-то ладите?..“ — „Чеему обуча-а-ть?! А вот, гляди - ко - эфто што?“ — „Да сосна стоит!“ — „Сосна сосной! да на сосны-то што?!.“ — „Да сорока на яйцах сидит...“ — „Ну так во моя наука — я под птицу подберусь, яйца выну, а ена и не заметит — ни крылом, ни пером не ворохнет...“ — „А ну-ка!..“ Вор-то и полез... Да как сказал, так и сдилал... Яйца с-под сороки вынял, а птица сидит не шелохнетца... — „Видал, брат?!.“ — „Ви-идал!.. А вы дяденька, свои сапоги видали?!.“ — „Сапо - ги?!.“ — „А подметки видали?!“ А эфто, жаланны вы мои, покеда вор-то ноги-то на сосну закидывал, парнишка-то ему подметки-то и срезал, а ен и не учуял тово... — „Ну и Мамыка! весь ты Мамыка и есть!“ — „Так я их еще на ходу срезать-то умею...“ — „Так чево ж ты, дурья голова, не работал?! Чево тебе еще надобно?!“ — „Так я, дяденька, топеря буду...“ — „Так до усов сыт и будешь...“

Разошлись ены тут. Вор-то своей дорогой, а Мамыка домой. Приходит... Дедко сидит на завалинке... — „Здорово, дедушко! Вот и мы!..“ — „Да ты што так скоро?!.“ — „Потому как обучивши очень хорошо! Давай денег!..“ — „Да где-бы я тебе взял?!“ — „Ла-адно, старичек! Погляди-тка в сундучки, в заветном узелки, не найдешь ли?..“ — „Мамыка! да побойси ты бога, бесстыжи твои глаза!.. Одная пятишница на умирало пригтовлена, так и тую тебе отдай!“ — „Ладно, дедушко! ковда еще помирать-то будешь, а на пятишницу-то мы с тобой и сыты, и обуты будем во-о как хорошо...“

Ау, брат, делать нечего, обучивши внук... надобно доставать... Поохал, поохал старичек, около сундучка покряхтел,

вынял пятишницу... А Мамыка-то с пятишницей-то на базар... А и купил там сапоги с голенищами за коленко... в та поры все дешево было — да и сапоги-то не просты, а модны — носочки этак загогулинками кверху загнуты.

Идет этта Мамыка по большой дороги... сапоги под мышкой... шапка на ухо...— Глядь!.. и гонят царьскіи погонщики вола... А уж и волишшо! пудов этак на пятьдесят... роги ростанью—руками не достать... Вот Мамыка дело смекнул... Поперед забежал—шварк один сапог на дорогу, а сам в кусточки...

Идут этта погонщики, трубочки посапывают, промеж себя толкуют — поговаривают... Дошли до сапога... — „Мятюха, а Мятюха! глянь-кось, сапог! Да никак новешенек!“ Ну сапог-то подняли, глядят... вертят... новешенек... да ведь один... четыре ноги в один не сунешь... А и пусть лежит... бывает, кому и пригодитца, а мы, слава-те господи, и обуты, и одеты... Пошли дальше... А Мамыка из кусточков вышел, сапог поднял... наперед забежал, да с другой ноги сапог и шварк на дорогу, а сам в кусты... Дошли погонщики... — „Мятюха, а Мятюха! Упять сапог!.. Да никак тому-то пара?!“ Так эва, жаланны вы мои, што зависть-то людская делает!.. И сапог-то забыли, и вола-те забыли... да к тому-то сапогу, к первому-то, впуски... штоб, значит, пара-то в руках была...

А Мамыка — сапог подмышку, вола в загривок... да домой и пригнал... — „Вот те, дедушко, за пятишницу-то, и вол, и сапоги!“ Ну вола-то освежевали, солонины целу бочку накаратили, ишь целой год — хватит... А еще добра-то сколь — тут-те и роги, и ноги, хвост да шкура... А вол-то царской... А угнали-то середь бела дня с большой дороги... Ну сейчас этта полицу на ноги...

Мамыку отыскали, да пред ясны царьски оченьки... — „Это ты вола-то украл?“ — „Я, царьско величество!“ — „Да как же ж ты ухитрился?! Середь бела дня, с большой дороги?“ — „Да я ешшо не-то умею...“ — „Да как же тебя звать этаково?“ — „А Мамыкой...“ — „Ну, Мамыка, погляжу я — много ли в твоей голове ума положено?“ Украдь ты у меня коня с под семи замков, так я тебе вола прошшу, а не украдешь — в остроге сгною...“ — „А чево не украсть, украду...“

А коня-то красть надо подумавши. Потому как коню хвост-то разделили, да кажинну прядь дали конюху держать; да у кажинной ноги по конюху, да за уши — двое, да под уздцы — двое, да сколько-то за гриву, да один верхом, да штоб не спать... А замки-то нутряные... Вот тут и подумай... Ну да Мамыка-то Мамыка был!.. А в та поры этово винишша проклятущево — сколь, было, хошь — хошь ты купайси, хошь — обливайси... Вот Мамыка-то и раздобыл где-то боченок; ведер пять-ли... десять ли — не знаю... Розобрал потолочины над конюшной - то, да, и спущает боченок то на вервинах над конюхами-то. Это как шибануло духом винным хорошим по всем-то углам... у конюхов-то, што голуба, сердца-то встретпенулися... Братцы! Глянь-кось! благодать с неба спускатца!... Да благодать-то в объяття приняли, да у благодати дно-то выбили... а благодать-то в себя и вылили... Ну и лежат замес конюхов-то мертвыи тела...

А царь-то кажинно утро сам коня-то поверял. Седни-то пришел... ба-атюшки! Ворота разбаханы, на земли мертвыи тела валяютьца .. коня и след простыл... Царь-то сам к Мамыке на двор... Дедко сидит на завалинки. — „Здорово, дедушко!“ — „Здорово, царьско величество! Ты чаво?“ .. — „Да Мамыка-то

уже дома?“ — „Дома!“ — „А давно приподцы?“ — „Да не приподцы, а верхом приихавши... А уж ко-онь! — картина!“ — „Да вить мой, дедко, мо-ой! С под семи замков увел...“ — „Но уж эфто как быть... на то ен и Мамыка... Поди-тка, во хлеве не обихаживает ли“.

Царь во хлев... А и стоит конь-то... А злодей вокруг ходит, хвост, гриву начесывает, на концы расплетает... И кажина косица кумачиной проплетена-завязана и конечки врозь торчат... Дверь-то брякнула, а Мамыка... — „А-а! Царьско величество! Твой конь-то стоит?“ — „Мой, Мамыка, мой! Ну и голова у тебя, у парня! Надо бы твою голову рубить, да жаль таку голову губить... Ну вот тебе ешшо сказ: украдь ты с под мово боку простыню, так я тебе коня прошшу, а не украдешь — в остроги сгною...“ — „Простыню?! Да раз плюнуть... Я с тебя рубаху сниму, а ты и не учуешь...“ — „Ну, парень, гляди в оба... слово сказано, штоб дело было сделано...“

Царь-то домой, а Мамыка-то и стал вокруг царьского двора похаживать... о царьском здоровьи поспрашивать. А тут летечко красно подоспело... Ягодинки разны в саду зарумянились... Да тово году такой урождай на огурцы был — старики не упомнили... Везде этта на грядках-то лежат, меж лисьев пряхутца — больши да гладки, што поросята, не хошь да огурчик съешь... Ну этта царь огурчика-то съел, да, быват, ешшо селедочкой закусил... да ягодиночки какой попробовал, да родниковой водицей запил — у ево и закрутило маленько... Мамыка приходит о царьском-то здоровьи спрашивать, а ему слуги-то верные: — „Да седни батюшко-то што-то животом порастроивши...“ — „Чево лучше, жаланны вы мой! Тово только и дожидаю...“

Сичас этта Мамыка домой... Опарничек взявши, навел гущи этой самой новгороцкой... Нас вить, новгороцких-то, все этак дражнят: новгороцка гушша, да новгороцка гушша. А этта сама гушша-то — кашаца така с круп да гороху... А вдругорядь така задастси, что и сытому власть поись, а особливо с маслицем... Ну да вить Мамыки маслица-то незачим пуцать было... Этта ен с гушшой-то, да на кладбишшо... А тово разу, как быть, и похоронили паренька — Мамыка и Мамыка... и ростом, и дородством... Энтово-то паренька Мамыка вырыл, в свою скруту обрядил.. свою шапоньку ему на глаза надвинул, да к царской опочивальни... А опочивальня-то и оконышком-то в сад глядела... А как этта летечко стояло жарко, ночи душны.. так все оконышки-то настез розбаханы... А как ждуть Мамыку простыню-то с под царсково боку воровать — у кажинново оконышка в красной шапки с самопалом стоит... Мамыка-то в кусточках сумеречек дождавши и стал мертвеца-то на рогатины к окошку подынять... А красны-то шапки ружья-то наставили: бах! бах! все обличье мертвецу в лепешку... Упал мертвец... Спустилися красны шапки... Царю доложили... Так, мол, и так можете спокойно спать, поэтому как — унистожили... Эка дура-ак!.. В окошко полез, точно у царя стражи нет себя обиходить...

А кто в дураках-то — смекай!.. Пока этта с мертвецом-то возились, убрали, а Мамыка с опарничком-то в царской опочивальни за завесой сидит — никто тово и не чуёт...

Пришла темна ноченька... Пришли царь с царицей спать ложитца. Этак-то направичке вдоль стены ево кроватушка стояла, а налевичке — кроватушка царицына... Кажинный у своей кроватушки стоят, да переговариваютца... — „Ну што, отец, как здоровье-то?“... — „Да што, матушка, поотпустило маленько —

не крутит и не мутит“...—„Ну так и ладно... Я велела тебе из сундука соболье одеяло достать... Угреешси—все как рукой и сымет...“

Улеглись царь с царицей... Скоренько и захрапели обое... А Мамыка-то тихохонько, што цыпушка, из свово-то угла выкатилси, да к царевой-то кровати... Соболье-то одеяло отворотил, да и ухнул гушшу-то новгороцкую царю под бок... Ухнул да в угол...

А тому, как быть, и снитца сон... А и таков сон снитца—хоть и не просыпатца... А и снитца ему, голубчику: гуляет он по лугу зеленому, што по бархату, в день ясной, солнешной... А тут и ручеек по лугу-то пробираетца... А за ручейком-то царица, да будто ена не женка, а в невестах тольки, да и манит ево к себе ручкой белой... „Лети, дескать, ко мне, сокол ясной, вдвоем-то и гулять сподручней...“ А ручеек-то и широконок, ему и не перешагнуть, не перескокнуть... Ен и ищет камешка ноженьку постановить... И попадись ему гладышек-кругляшек... Этта он встал да и посклизнулси, да и сел... А сел, да холонно—это во снях-то... холонно... да и прохватилси... А как прохватилси, так и завopil:—„Мать! Царица! Да просни-ко-сь ты, матушка“!...— „А-а!.. што тако?!“ соскочила царица-то.—„Да поди ты—што случилось-то... Угрешилси ведь я... А как—и сам не знаю... и не крутило, и не мутило... а поди-кось—грех-то какой!..“

Подошла царица-то... Ма-а-тушки! по-ворот!! — „Да как же ж эфто ты, родимой?!“ — „А поди знай! Сраму-то, сраму што перед боярам ту...“ Разъахался царь, середь гушши сидючи, не звать, чево делать. И вот, родимы вы мои, говорят—у бабы волос долог—ум короток—не верьте вы тому, николи не

верьте... Ведь удумала царица-то... — „Погоди-ко, ты, погоди! Никто и не узнает... Собирай-кось все в узел да клади в угол. А я тебе чисту рубаху да простыню принесу... А срамоту-то утречком до свету на пруду заполосну... Бояре-те и не узнают“..

„Пошла царица за чистой рубахой... А царь гушшу-то обирал... обирал... насилушку обрал, в узел связал да в угол... Принесла царица чистую рубаху... Одедси царь... Да на сухом-то, да на чистом-то скорехонько и захрапел упячь... Заснули царь с жenkой, а Мамыка узел-то в горшок... горшок в охакну— да и поминай как звали... Спит царица... а на сердце-то гребтитца—срамоту-то замывать надобно... До свету соскочила, сарафанишко-те на плечи, повойничшко на голову, да к углу... Глядь—ан ни рубахи... ни простыни...—„Царь! отец! да проснись-ко ты!..“—А царь-то-разоспавши... ему и глаза-то не открыть...—„Да просни-кось! вить ни рубахи нет—ничего нет!..“ С царя сон-то што рукой смахнуло...—„Мамыка! никому другому!“ Соскочил, туфли на скоробоску насунул, кафтанишко на плечи, да к Мамыки на двор... Бежит... полы-то запахивает...

Дедко сидит на завалинки...—„Здорово дедушко!“—„Здорово, царьско величество! Да никак ты спаливши?! И туфли на скоробоску и под кафтаном ничего... Не горит ли часом где?“— „Да Мамыка-то у тя дома?!“— „Да дома! не мешок золота— не потеряетца...“— „А што делает-то?“— „Да на реку ходил што-то заполаскивал... поди-т-ко не сушит ли на огороде?“

Царь-то на огород. А у злодея-то и протянута веревина с угла на угол, а на веревины-то и полотетца по ветру, што лебедино крыло, простыня... тонка да бела... да ешшо рубаха... а метка-то царьскя.. А сам ен ходит, за края одяргивает, штоб висело поровнея...

Калитка-то—стук!.. Обернулся Мамыка... — „А-а! Царьско величество! Ну што, чуял, как я с тебя рубаху-то снимал?!— „Ну и голова у тебя, у парня!.. Надо бы твою голову рубить, да жаль таку голову губить... Ну вот тебе последний сказ — украдь ты у меня женку, так я тебе и простыню, и рубаху прощу, да и награды—миллон... а не украдешь —в остроге сгною“. — „Да дай срок — и царицу сведу.“ — „До Рождества сроку даю...“ — „А ты почем знаешь? Быват, я и раньше уведу...“

Вот, желанны вы мои; летечко прокатилось, а женка у царя на двори... И осень прошла—женка все дома... И пришла зима... И стал царь в заседание ездить с умным людям о нужных делах говорить... Он уедет, а женка дома одна... деточкам-то бог не благословил, ей и скучнехонько... Сядет у оконышка, подпретца белой рученькой, смотрит на дороженьку... Ждет-пождет друга миловов... А ен и позапозднитца... ночь и за полночь нет и нет...

Вот однова сидит ёна этак-ту... А ночь выдалась морозна... месячна... снежок-то так и похрустывает... дороженька-то, што скатерть укатана, да под месяцом вся звездочкам так и свиликае... так и свиликае!.. Этта ена, голубушка, сидела, сидела да и удумала:— „Эх, по энтой бы дороженьке да с другом милым в легких саночках плечо к плечу, рука в рученьку прокатитца...“

Только подумала—и подают легки саночки... — „Сказать царицы, штоб одевалася. К царю велено в заседание — потом катацца поедут...“ — И-их! взвилась царица пташкой легкокрылой от оконышка... Шубоньку на плечи... шапоньку на уши... да в саночки... Да замис заседания-то к Мамыке на двор и угодила... Конь-то царской, а кучером-то Мамыка... И это дило сдилано...

А царь-то после заседания-то вышел на мороз и себя не помнит. В головушке-то у него жернова толкунца—а в ушах— что реки льются... После умных-то речей завсегда так бывает— стары люди сказывали... — А кони-то так и рвут, так снег-то копытами и бьют... И удумал царь проветритца. — „А ну-ко я с сударушкой-то своей плечо к плечу, рука в рученьку, прокачусь-ко в легких саночках...“ Да кучеру-то:— „Вали во дворец— с царицей кататца поедем...“ Кони-то застоявши, как хватят!.. Во миговенья ока у дворца... Царь из саней-то и не выходит... — „Эй, слуги верныи, сказать царице, штоб одевалася— кататца поедем...“ — „Ваше величество! царица уехатчи...“ — „К-к-у-уда?!“ — „К вам... в заседанье— коня изволили присылать“... Царь кучера-то в шею:— „Гони к Мамыки!..“

Пригнали... Этта ен из саней-то горошком да в избу... Старик на пороге встретился... — „Здорово, дедко! Мамыка-то у тя дома?!“ — „А дома!“ — „Один?...“ — „Никак нет, не один... А и этака краля привезена— глаз не отвесть...“ — „Да моя женка, дедко, женка моя!“ — „Так поди-тко там к печки: гREETца, морозно больно“...

Царь-то в избу... Глядь... а у печки на лавке женка-то и сидит, а поодаль-то этак Мамыка на дверь поглядывает... Увидал царя-то ..— „Ну, што, царьско величество! твоя краля-то сидит?“ — „Моя, Мамыка, моя!.. Ну вот тебе обещанная награда; миллион— да из мово царства— вон!.. штоби духу твово не было!..“

Так вот, жаланны вы мои, Мамыка-то из царства тово потеравши был и до сей поры неведомо, где обретаецца. — Быват, где и встретите, так и мне-ко, старухи, скажите...

„Семиместно“

9. Мудрая жена.

Жил царь. Любил царь загадки загадывать... Мудрены речи говаривать... Ино слово скажет, што обухом по лбу хватит, и штоб ему ответ сичас.. А то под горячу руку и головушка долой... Вот одна на пиру, за чарой зелена вина, и говорит царь боярам: — „А хочу, грит, я непосеянное поле пожать“... А бояра-то ошалевши сидят — ни словечушка на то не молвят... чево говорить — не знают... А царь-то: „Чево молчите? Коли через три дня мни-ка на то слово ответ от вас не буде — всем головы долой!“

Бояра-то не помнят, как из-за стола-то выкатились... и пошли у добрых людей ответу спрашивать. Всю столицу обошли — ответу на те речи не нашли... Пошли по деревням... Ходили... ходили... толку нет. Голодныи-то, да уставшии-то, и пришли в деревнюшку... Наскрозь прошли — никово в избах нет... Глухи старики да старухи, да робята малыи... Тольки в последней изобочки девка полы мое... Не казиста изобочка — ворота покосилися, а делать нечево — заходить надобно — дальше ноженьки нейдут...

Зашли, а девка шасть за печку — хоть подол-то ототкнуть надобно, да там и шепчет: „Не дай-то господи, двор без послуха, окно без погляда“... Вышла из-за печки-то, поклонилася... Зачим, мол, пожаловали?.. — „Да не покормишь ли, чим бог послал...“

изголодавши... с утра не евши ходим...“ — „А посидите маленько на огороде.. сичас пол домою, да на стол соберу“... Глядят бояра-то на девку, глаз не спустят... Не девка—а малина... Домыла девка пол, кликнула: — „Идите, што-ль!“ — Сели на лавку, а девка им: — „А вам чево лучше: плеваново или лизаново?“ Смотрят бояре друг-то на друга, не знают чево и говорить... — „Да уж давай лизаново...“ все, думают, лучше плеваново-то...

Пошла девка к печи, горшок вытащила, налила ухи налимьей — хошь царю на стол... Бояра-то с голодухи поели, да и ложки-то и чашку на-чисто вылизали.. и мыть не надобно... Вот-то и лизано!.. — „Сыты ли?“ — Чево лучше... до усов... — така уха!.. А чево это ты про плевано-то говорила?..“ — „Да налимью-то уху вы облизываючись съели—глядитко—чистым-чистехонько, а подала бы ершовой, так весь бы стол заплевали.. вет те и плевано“... Эка девка-то дошлая... — „А што, умница, одна живешь-то?..“ — „Не-е, с батьком...“ — „А где же ен у тебя?“ — „А отправивши сто рублей на пятиалтынный менять...“ — „Как так?..“ — „А рази нет?.. На охоту за зайцам ударивши, хорошо зайца загонит—пятиалтынный в кармане, а коня загонит—сотня из кармана...“ — „А што этта ты, красавица, про двор да про окно за печкой-то молвила?..“ — „А вишь живем—ни кошки... ни собаки... о госте долежить некому...“

Переглянулися бояра... „Ну и девка!.. одно слово голова!.. А не спросить про царевы-то речи—быват, и ответ даст...“ — „А попробуем!..“ — „А што, красавица, не поможешь нашему горюшку... за этаким-то делом ходили. Выручи... в долгу не останемси...“ Послухала девка, засмеялася... „А и даром

вы у царя хлеб едите, такой-то пустяковины не удумали... Вишь ты—хочу непосеято поле пожать... Да коли хочешь пожать, так тебе левой полой с правого боку зачинать, а мы тебе помогать... вот и вся недолга...“

Поклонилися бояра девки, отправились во-свояси... Во дворец-то приходят, только на порог, а царь-то им: — „Хочу непосеяно поле пожать“... А оны в один голос: — „Так тебе левой полой с правого боку и зачинать, а мы тебе помогать“... Расхохонулся царь...—„А, дуй вас горой!.. Ловко!.. А только не вашево ума это дело... Сказывай начисто, кто надоумил... Расхохонулся я, ничево топеря не буде“!.. Оны и выложили без утайки, про девуку-то.

Захотелось царю девкиново разуму попытать... Взял золотник кудели, спосылает к той девки бояр...—„Снесите, да штоб к завтраму рубаха с той кудели готова была“... Принесли куделю к девки. Наклонилася девка к венуку, отлемила малый прутышек, подает боярам:—„Снесите царю - то, пущай с тово прутышка стан да бердо изготовит, поспеет рубаха во-время...“ Выслушал царь... ухмыльнулся... Велел сотню яиц сварить, девки снести... Штоб были во-время с тных яиц цыплята выведены... Несут бояра—не придумают, как девки извернутца буде... Пришли... видят девка с батьком за столом пшенну кашу едят... Подали бояре яйца, царски речи сказывают... Встала девка... С чашки кашу кувырнула в тряпку.—„Несите царю... Пущай этим пшеном поле засеет — цыплят кормить... Другово корму подать нельзя...“

Покрутили бояра головами! Ну-у и ну-у-у!!! К царю пришли, девкины речи пересказывают... а царь-то и задумайся... И захотись ему на ту девуку поглядить... Сам отправилси. Гля-

нул да и обомлел... Да этакой красоты и видом не видано и слыхом не слыхано... Загорелося у царя в белой груди... Хоть женись... а и женитца-то ему просто — холост живет, не женой ходит... У царя не пиво варить, не вино курить, а честным пирком да и за свадебку...

Женился царь... С молодой женой живет, на красоту ее не наглядитца, не нарадуетца. Все бы хорошо — одно плохо... Женка умней царя уродилася. У царя-то в голове только шевелитца, а у нее с языка словечушко летит... И стали про царя говорить: „А и умен царь уродивши, а с женой царю не тягаться...“ Зазорно то царю показалося... Погоди же, — думает — загану я те загадку — необрадуешься...

Собрал царь бояр... волю царьску объявил... А и сладилси царь во чужи края на три года ехати... чужи порядки глядеть, што — можно себе перенять... Царьски дела боярам приказывает, а женки задачу задает... Сполнит — во царицах быть, со царем во дворце жить, царьско платье носить... А не сполнить — тово же часу к батьку на деревню, в прежнюю паневу, за печкой сидеть, лаптем щи хлебать... А и перва задача — остаются у царя в опочивальни чекмоданы заморски о двенадцати ключах немецких. Пустым чекмоданы пустехоньки. Царь ключи с собой увезет — а царица ухитрись тых замков не трогаючи, не отмыкаючи, насыпать чекмоданы золотой казной до верху... А и стояли бы чекмоданы запертые, а и замки — бы были не рушены... А друга задача: есть у царя пара конская, цены той пары нет... Так жеребца царь с собой увезет, а кобыла останетца праздная... А ко приезду царскому штоб был под кобылой жеребенок — тово жеребца дитенок, и со звездой во лбу, как тот... А третья задача... Остаецца царица праздна...

а царю наследник надобен... Так шток к приезду быть царю с наследником, с сыном родным, на царя лицом похожим... Ахнули бояра... А царица ни в одном глазу.— „На долго ли, сказывал, мил-сердешный друг, едешь-то?“ — „Ровно на три годика“...

Уехал муж... Царица год спустила... А за этот год корабли строила... Корабли готовы... царица чекмоданы на корабли, туда же золоту казну, да кобылу государеву... Уплыть успыла, а куды—не сказалась. Долго ли, коротко ли царица плавала, уследила мужа в царстве басурманском... На берег сошла, на краю в маленьком домишке поселилася... Срезала царица косы русые, паренком оделася, пошла царя в городе розыскивать... уследила — где живет, в какой трахтир обедать ходит...

А царю-то на чужой стороны тошнѣхонькѣ: хоть домой ворочайси, да не дозволяет слово царское... Кругом-то всё чужое, словечушка не поймешь— все больше на пальцах и так, и этак... А тово больше по женки стоснул... Да как вспомнит, што больно мудра-то уродилась—за живое возьмет... Не-ет, ты постой— погоди... думает...

Вот однова сидит в трахтире царь, задумалси... Тольки кто-то хлоп по плечу... аж покачнуло... Глядь—паренек стоит улыбаецца... — „А, вить, кажись земляк по обличью-то?“ Обрадовалси царь... по нашему говорит-то... — „А и то земляк!.. садись рядом, хоша поговорим...“ Присел паренек... разговорился... А у царя на сердечушки-то накипевши... Рад-радехонек... душу - то отвести... Поговорили — приходи на завтра упыть... Пришел. Слово за слово—царь-то ему все и выложил. — „Как думаешь — справит женка то, как я сказываю“

вал..?“ — „Где тут бабы справить!.. Да ты не горюй... Давай, в карты сыгранем?“ — „Давай“... — „Да штоб даром карты не мять—коли я проиграю—с меня сто рублей, а коли ты проиграешь — ключи от чекмоданов дай поглядеть, любитель я штук-то хитрых заморских“... — „А с удовольствием — этаких ключей-то других нет...“

Стали играть... царь-то и проиграл... — „Давай ключи-то“.—„Пожалуйста—всегда при мне...“ Взял паренек ключи... домой пришел—а ты смекай—перво дело сделано... И чекмоданы полны, и замки целехоньки...

На другой-то день пришел паренек в трахтир, ключи принес.—„Вот они, целехоньки... Давай седни играть?“—„А давай“...—„Ну, коли я проиграю—с меня двести рублей, а коли ты проиграешь — твоево жеребца на ночку... Тут мне съездить надобно...“ — „А бери, застоявши конь, хоть промнетца...“ Стали играть-то — царь-то и вдругорядь проиграл. — „Мой жеребец на эту ноченьку...“ — „А пойдём, бери..“ Пришли к царю на квартиру-то, взял паренек жеребца, скочил, только ево и видели... А ты смекай... Ночь прошла... друго дело сладилось... Давненькё жеребец кобылы не видал... обрадовалси...

На утро-то приводит паренек жеребца... — „Добрый конь! маленьке поупарилси...“—„Ничево-о, отстоитца на добрых-то кормах... Пойдем в трахтир...“ Пришли... пару чаю спросили... Царь-то сам заводит:—„Давай в карты...“—„Давай, только на этот раз, коли я проиграю, ты ко мне в гости — буду всю ночь угощать. Я у тебя был — ты у меня не был...“ Согласилси царь... Глядь — на эфтог раз паренек проиграл.. — „Ну, говорит, счастлив ты—с меня угощенье... приходи в этак-то часу, по энтакому-то адрису. Буду ждать... А топерича

еще кой-куды сбегануть надобно...“ Прибежал паренек домой, мужикову скруту скинул...

В указанное время стучитца царь... Открывает двери молодца... — „Здесь этакой-то живет?“ — „Здеса, пожалуйста...“ А царю-то и порога не переступить... Стоит ошалевши... так в голову и стучит .. У молодицы косищи черны до полу, брови дугой, грудь высокая, глаза, што уголья — огнем паят... — „Проходите... пожалуйста...“ Сама улыбаетца... зубы што кипень. Вошел царь, сел на лавку и духу не переведет... — „А где же он?“ спрашивает. — „А за вином побежал, сказывал, мало буде...“ Сидит царь... на молодуху поглядывает... А и молодуха из-под черной брови—нет-нет, да што кипятком обдаст... А паренька все нет, как нет... Осмелился царь... руку протянул... молодуха ничево — улыбаетца. Дальше да больше... дальше да больше... А паренька нет, как не бывало... — „Чтой-то запропастился?“ — говорит молодуха... А царю — хоть бы и не приходил... И до ночи прождал — нет хозяина... Надобно и по домам... „Полно-ко“, говорит молодуха, „на чужой стороны да по ночам путатца... Чай, места хватит...“ Остался царь...

Не видал, как и темна ноченька прошла... Не чуял, как утречко подкатилося... Одни видал очи ясные, одно чуял—как в огне горел... замирало ретивое во белой груди... На утро-то царь—хоть не уходи... А надобно... А молодуха-то ему на прощанье:— „А што, мил сердешной друг, на память-то оставишь?... Штобы мне глядеть, да эту ночку поминать...“ А у царя на руки-то царицы перстенок светитца... Закинула ему молодуха руку за шею... отдай, да отдай тот перстенок... И не хотелось царю отдавать, да пришлось — не устоял... Ушел и не чуёт, что женка все три дела справила ..

Пошел царь в трактир... Нет паренька. Ждать-пождать... не пришел... Отправился царь — где вчера ночевал.. Дверь на замке... Старик сидит на лавочке... — „Где тут этакой-то?“ — „Не слышу, батюшко!“ — „Пожилыцы-то где?“ — „А поживу, сколь бог велит...“ Не добился царь толку — обратно пошел... Побывал ешшо разок... Никого нет... Тошно стало... В другое царство поехал... Нет-нет, да и вспомнит молодуху-то... Думал царице перстенок сладить, да заколодило — таково нигде не нашел... Плутал, плутал по чужим землям... Насилу-то три года выждал...

Собрался царь домой... Об женке думает... справила ли задачи-то...

Приехал царь в свою землю... Ко дворцу-то подъезжает — глядь, а по лугу кобыла гуляет, а под кобылой жеребенок ходит, и звезда во лбу, как у жеребца... Царь-то и глазам не верит... Во дворец-то вкатился, да в опочивальню... хватить за чекмоданы-те... а их и с места не свернуть, а замки целешеньки... А во главной палаты царица ждет... Бояра собравши... Царь-то туды... Глядь, а у царицы-то дитенок на руках... Што на царя гляни, што на мальченку — одно лицо...

Все ешшо царю не веритца... — „Да што-ж мне с тобою делать-то?..“ А царица-то ево за руку-те хватить!.. — „А перстенок мой где?!“ Ахнул царь, опустил голову — не знает, што сказать... А царица протянула руку белую, смотрит на царя-то, улыбаетца, да и говорит: — „Вздыни головушку-то, от ково у меня перстенок, от тово и паренек...“ Царь-то глянул, а царицы-то перстенок у царицы на руке и светится... Схватил царь женку за руку... — „Да неужто-ж ты была?! Да как же-ж так?“ — „Да нас, баб, на то взять... так-то, мой

батюшка!.. А чекмоданы-то смотрел?.. Принести сюда... При-
несли чекмоданы-то, отпер царь, замки-то целехоньки, а чекмо-
даны-то до верху золотой казной насыпаны... — „Ну жена,
быть тебе царицею до гробовой доски...“ Да с этакой-то женой
белый свет наскрозь пройдешь, да и домой воротиться...
Вот те и баба! Всяко оно на свете бывает...

10. Што на белом свету случаетца.

(Ведьма).

Дедушко сказывал... А и было то в Турецкую кампанию... И был у их в полку солдатик, Степаном звали... Как сейчас помню — покойничек сказывал. Росту Степан богатырского... плечи, што печка... Хват-парень... И стал этто ён сохнуть... Сохнет и сохнет, жаланна ты моя... На себя не похож... Этта товаришши и пристают: „Што, мол, тако, Степанушко, извелси ты в конец... Ай не можетца?!“ „А не ладно дило, братцы... Кто-й-то ездит на мне кажинну ночь. Просто рубаху хошь выжми... Силушки моей боли нет... извелси в конец...“

Поахали... поахали. И подошел туточка старичек, побиралси... корочки собирал. Солдатишки те, вишь ты, ёво прикармливали, жалеючи-то. Послухал этто ён, жаланна ты моя, — дедушко-то сказывал, — да и говорит: „А твоему горю, говорит, помочь можно — узнаем, кто на теби-ко ездит... На вот теби уздечку... Возьми ты энту самую уздечку, да и ляжь с уздечкой под койку... А на койку ту — сноп соломы положи да шинелишкой же и укрой — быдто сам лежишь... Как увидишь — кто придет, так энтой самой уздечкой-то и взнуздай...“

Вот ланно... Взял этта Степан уздечку ту... сноп под шинелишку ту положил... а сам под койку... Старичек под другой...

лежат... Ровно во полночь и приходит, матушка ты моя, старушенка — и древняя видать старушенка - то... Скок на сноп-те... да и взнуздала за подушку-ту... Н-н-ноо!! Да по шинели-те кнутом... Сноп-те ни с места... А Степан-то ка-а-ак выскочит!.. Да и взнуздан ея-то .. старуху-то... И той-же ж минуточкой очутилась в казармах лошадь серая... в яблоках. Старичек же выскочил, да и научает: „Не снимай уздечки-те — а не то замучает тебя в конец...“ Так ею в конюшню и свели... Корму не велел старичек давать. Ею не кормят, а ёна все в теле... во-о кака лошадина... только все в уздечки... день и ночь...

Все на ней ездили... сам командир ездил... Лучши лошади не было... Только ни кована стояла. „А можно ею подковать?..“ Этта старичка-те Степан спрашивает: „А чево-ж не можно?.. Можно!..“ Ею и подковали .. Привели с кузницы-то... а солдаты - те и пожалели: „Штой-то ена, бенна, все в узды, да узды... Дай - ко снимем...“ Да и сняли уздечку-ту... Сняли, жаланна ты моя, уздечку-ту... ан замис лошади-те и очутишь старуха, руки-ноги же подкованы... Лежит да стонет... Аж ужахнулись вси... Тут же ею и пристукнули, да и закопали... А старичок-то осиновый кол в могилу ту забил — прочней, мол, будет... А закопали-то ею, желанна ты моя, вверх спиной... сказывал дедушко - то... Сам все видел... Только стонул по ночам-же... Стонет, да подскакивает... стонет, да подскакивает... А потом и тое прошло...

Так вот, матушка ты моя, чево-чево нет на белом свиту... Сам дедушка покойничек сказывал...

ПРИЛОЖЕНИЕ

В а н я.

(Сказка кемского сапожника. Записана по памяти со слов Ольги Эрастовны Озаровской).

Жил осударь... И умерла у него жена в молодых годах... Оставила ему сына Ваню, мальченка по четвертому годочку... И говорят бояре царю - осударю: — „Ваше величество, женись“... „Никак нет... Не могу: перво—хочу память супруги в чистоте блюсти; а другое—Ваня маловат: мачеха обижать станет. Буду так жить до поры, до вре́мячка“.

— И живет осударь так—память супруги в чистоте блюдет; сына Ваню растит... И доростил Ваню до осьмнадцати годов.

Вот бояре опять к осударю приступают: „Ваше величество, женись. Потому как на приемах иностранных послов без царицы оченно даже неспособно!!.“ „А что же! теперь можно... Ваня в возраст пришел... Мачеха обидеть не сможет...“

И прослышали в других державах, что осударь женится собирается... и стали присылать ему патреты дочерей княжеских, великокняжеских, королевских, государских... И все те патреты заключил он в раму большого формата, и у себя в опочивальне за кроватью в ногах на стену повесил, и завесой зеленого сукна закрыл, и шнур с этакой кистью приладил... Утром-то как проснется, за шнур с кистью дернет, отлетит завеса, а они, красавицы-то, все тут как тут, все как на ладони, одна другой

красовитей... Все хороши, а та, что по середке—покраше всех будет—на ней-то и задумал осударь жениться.

Долго ли, коротко ли—прислали осударю приглашение на охоту в соседнюю державу... Собрался осударь скорехонько, а Ваню не берет... дома оставляет... Скушно Ване одному...—тошнехонько... И задумал он батюшкин дворец осмотреть... Все знал Ваня—только на чердаках, да в подвалах не бывал... А сегодня везде обошел, порядки навел... А под конец и пришел в осудареву опочивальню... Оглянулся—опочивальня у папаши заново по хорошему убрана... Шлепнулся Ваня на папашину постелю—глядь, в ногах завеса зеленого сукна, и кисть с боку прилажена. Дернул за шнур, отлетела завеса, а за завесой-то рама большого формата... и все красавицы, все красавицы... все хороши... А та, что по середке, покраще всех будет... Глядел, глядел Ваня, да и задумал на ней жениться... Вот и приезжает осударь с охоты...

— Ну, што, Ваня, не соскучился?..

— Никак нет, папаша, а только я жениться задумал...

— Да полно-ко!!... Еще и усов под носом не выросло, а ты... жениться!..

— Да я уже решил, папаша!..

— Ну, а коли решил, так, может, и невеста есть...

— Есть... извольте покажу...

— А покажи...

Привел Ваня осударя в опочивальню, завесу одернул...

— Вот она, папаша!..

— Ох, ты Ва-а-аня, ты Ваня!... Да ведь я сам жениться-то на ней думал... Ну, да родному детищу не буду поперек дороги становиться. Спосылаем послов... сватать красавицу...

Вот и выбрали посла, самолучшего полковника.. Царь-то ему и говорит:

— Ну, ты брат, поважнее, чтобы тебе всякое почтение, угощение на славу было сделано, потому как мое царство могуче, богато, так чтобы лицом в грязь не ударить...

Собрался полковник... поехал... Приезжает в то царство прямо к осударю... Так, мол, и так... сватает мой осударь дочь вашу, красоту ненаглядную, за сына своего единородного, наследника царству могучему...

— Што-ж,—говорит осударь,—я доволен... согласен... царство ваше богато, держава могуча... есть мое на то согласие... Только, извините, без дочки не могу... надобно ее спросить. Ну, это уж как быть... невесту спросить надобно... Вот и позвали царевну... пришла...

— Так и так, — говорит ей осударь, — из такого-то царства, из такого-то осударства сватают тебя за наследника.

А царевна-то голоском таким умильным девичьим:

— А что же? я очень довольна... Царство богато... держава могуча... только, извините, хотела бы на патрет жениха поглядеть?

Ну это дело законно... а патрет-то у полковника в кармане лежит. Сейчас это выхватил, подносит царевне...

А Ваня-то парень хоть куда... красивый... да бледноват маленько... малокровный... Ну, она как на патрет-то глянула—да хватить его об пол!

— Гм... Бела-печальна береза... не желаю за такого замуж идти. Да еще на патрет-то и плюнула...

Ну уж тут у полковника сколь краски в крови было —

вся в лицо кинулась... Он патрет — в карман да за дверь.
„Увидите, мол.“ Осударь отец за ним...

— Ваше благородие! Ваше благородие! а почтение-то, а угощение-то... столы накрытые стоят...

Какое тут почтение... какое угощение... полковника и след простыл... Схватился осударь за голову... дочери пеняет, што, мол, наделала — теперь будет война, сколько народушку положено будет! Царь-то в горести... ну, а она—девка—знай свое твердит: — Не пойду за белу-печальну березу... и все тут...

Приехал полковник домой... все осударю докладывает... Так, ^кмол, и так, ваше величество... изволила царевна иноземная на патрет царевича, сына вашего, наплевать. Ударило осударю в голову... этакое бесчестие... хватил кулаком по столу... — „Воевать“ — говорит, — „собирать войско!..“ А тут Ваня шасть на порог. — „Да с кем же это, папаша, воевать?“ — „А как же ж, Ваня? наплевала царевна иноземная на твой патрет... патрет сына моего единокровного... Этакое бесчестие только кровью смывается... Воевать!..“ — „Да полно-ко, папаша. Не в лицо же белое она мне плюнула, а на патрет... Взял платочек да обтер — и все тут... А то воевать, кровь человеческую проливать... не согласен я на то... А вот лучше дайте-ко мне два миллиона, так я ее голыми руками возьму, да сюда и привезу.“

Ну — што два миллиона осударю для детища единого?... Ни словушка не молвивши, ни разочка не охнувши — отсчитал, отсыпал... сыну подал. А Ваня на те миллионы построил корабли крепкие... нагрузил их товарами, да какими... сыром... фруктами заморскими, да дамскими костюмами последней формы. Экипажу набрали самолучшего — все полковники, генералы да князья

именитые... Ваня в шкиперах — во начальниках... Поехали в царство иноземное... Погода задалась—малина!.. Ветерок попутный... Вот и говорят Ване: —, Ваше высочество!.. а хорошо идем!.. этак скоро и будем“... А Ваня-то: „Последний раз титуловали, теперь я купец Михайлов...“ Ладно... едут... Ехали, ехали... да скоро и приехали. Зафрахтовали магазеею самую лучшую, товары разложили, давай продавать, да и продавать-то дешево... ужасно дешево... Вот и стали покупатели захаживать, товары любовать... денежки отсыпать... стали и дворцовы портные похаживать... а там, глядишь, фрейлины заглянули... А товары - то продаются дешево... ужасно дешево... Доложили фрейлины старшей фрейлине... Решила ехать, посмотреть. Да хоть старая девица была, — седая головушка, а тряпки-то заморские уважала... Приехала старшая фрейлина в магазеею... товару много... товару самолучшего. Купцы все как наподбор—молодцы кудреватые... а тут еще как развернул ей Ваня кусок красного маре-антик в клетку, она и сомлела... Кусок весь купила, да в карету, да во дворец... да к царевне... и дух не переведет.

„Ваше высочество, наехавши в наш город стольный заморские купцы кудреватые, молодцы... товару навезли... а уж продают дешево — ужасно дешево...“ Велела царевна себе карету подать... поехала... Стоит Ваня у дверей, руки назад... смотрит в стеклышко. Видит, катит карета императорска—прямо к его магазее заворачивает. Догадался Ваня... Подручным мигнул. Выложили фрукту заморскую на подносы серебряные, стоят, дожидаются... Подкатила карета, распахнулись дверцы — и выходит красота ненаглядная... на патрете хороша, а тут, в живности-то, и сказу нету!! Рванул Ваня дверь, низко кланяется,

а подручные фрукту заморскую подносят... сама впереди идет, а за ней фрейлины, а за фрейлинами горничны... поднесли всем подносы серебряны... ну, знамо дело, не дѣвки наши деревенские — обжираться не стали — а этак легонько двумя пальчиками по ягодиночке взяли, да к устам и поднесли... А царевна так и не донесла, на купца загляделася... А Ваня-то значит, во-о как хорош! Это морское путешествие-то, да жизнь-то в новом царстве всю кровь ему в лицо белое и вогнали — парень кровь с молоком, ну ей „белой печальной березы“ не признать...

Стал купец товары продавать... Хороши дает товары, а цены берет дешево... И стала это царевна в магазю похаживать, не столь товары покупывать, сколь на купца поглядывать... Глядела, глядела, да и влюбилась по-уши... А Ваня еще в батюшкином дому по патрету к ней сердцем прилепившись. Отпускает купец товары красавице, а денег с нее не берет...

Вот и пришла пора рассчитываться... Приехала она с фрейлинами да с горничными, последки забрала, отправила в кареты укладывать. Сама Ване два конверта протягивает, деньги да письмо... Ваня деньги в конторку, а письмо в боковой карман... А она: — „Нет уж, пожалуйста, сейчас прочтите, да сейчас и ответ дать“, — да очами-то этак и провела по магазю-то... Ну, Ваня парень смекалистый — видит, дворцовых-то никого нет — и своим молодцам мигнул — выйди, дескать, в заднюю горницу — те вышли и остались они вдвоем... Ваня письмо-то распечатал — читает, а в нем очень даже просто, черным по белому прописано: — „Коли желаете ко мне в гости ходить, роите подкоп — вы из магазю, я из своей опочивальни под такими-то улицами, под такими-то переулками — как раз сойдется“...

Обомлел Ваня... — „Ваше высочество!! а полиция?!.“

— А што-же полиция?!. полиция будет слепа и глуха...

— Ну, коли так—с полным удовольствием. Нашли подрядчиков, скоренько уговорилися... Подрядчики в одном городе проживают — работают. Встретились — уж не знаю хорошенько, где—за рюмочкой ли—за стаканчиком ли, только разговорились.

— Ну што—работишка-то есть?

— Есть,

— А выгодная?

— Да ничего... А у тебя? —

— Тоже, брат, есть...

— А прибыльна?

— Работать можно...

— А где?

— Секрет

— А у тебя где?

— Тайна, брат...

Ну, ладно, секрет да тайна, а работать работают... Днем, значит, роют, ночью землю выносят. Рыли... рыли... Сойтись бы надобно, а у них на пол-аршина этак маху дали... Голоса-то слышно, а никого не видать... А рабочие как слышали голоса-то — кирки побросали да бежать...

— До аду, слышь ты, дорылися,—слышно, черти голосят...

— Да полно - ко вы, оглашенные!.. держи - кось, может, черти-то и знакомы-то окажутся...

Так оно и вышло... вернулся, да как последнюю-то лопату двинули, подрядчики-то и очутились нос к носу... Вот они где секрет-то, где тайна-то сказались... Ну, за работу денег много получили... за секрет да за тайну больше.

Дело слажено... ходи, мил сердешный друг... Ваня ходит, а у ней сердце болит... А вдруг как да провалится... пропадет нипочем добрый молодец! Как тут беде помочь?.. Думала... думала, да и удумала... Чего девица-красавица не удумает?.. К батюшке пришла... умильным голоском ему: „А нельзя ли родимый батюшка по таким-то улицам проезд-проход запретить?!“ — „А что такое?“ — встрепенулся осударь батюшка...

— Да ко мне в опочивальню шум тянет, так головушка болит...

А у царя-то дитятко-то единое...

— А и можно, моя ненаглядная, сейчас и приказ отдам.

Отдали приказ: не стучать, не греметь по таким-то улицам... Ходи, не кружись... и у царевны сердце успокоилось... Ходит Ваня и видит парень — можно царевну голыми руками взять. Вот раз и говорит ей Ваня:

— Ваше высочество, а скоро прощайте... надобно на свою сторону.

— А што же так Ваня?! —

— Да проторговался... так чтобы сраму не было... Ведь я вам товары-то как продавал... Дешево!.. ужасно дешево!.. А с того доброму моему имени покор вышел — проторговался в пух... Ехать надобно!..

— Ваня, да возьми у меня, милый сердешный друг, в шкатулке два миллиона лежат...

— Што два миллиона?.. Может, я десять раз по два-то просадил... Нет, одно дело — ехать надобно...

— Так и я с тобою!

— А вот эта друга статья выходит. Едем же ваше высочество.

И стала она собираться... Шкатулку взяла... платочек-носочик расстелила, в платочек шкатулку вывернула, связала узелком — Ване подает... сама к гардеробу... платья выбирает...

— А вы немного берите — может, погоня будет, так чтобы налегке. Одно — попроче — на плечи, другое, понаряднее, в узелок: к венцу...

Так она и сделала.. Ушли...

Не захотела за царевичем жить — с купцом ушла... а потому, как любила! ох, как любила! други милые!...

А погоня-то была... и пришлось ей, осударевой дочери, в простом сарафане на навозной телеге трястись... Не признали в мужике с бабою царской дочери с похитителем... Едут они... Она едет, а того не ведает, что он с каждой станции домой стафету шлет... дескать — везу, ждите... Она думает, что за купца едет, того не чувствует, что „белой печальной березе“ досталась... Только на его-то землю приехали, дороги пошли ухабисты, пень по пню, колея по колее... А он ей:

— Ой, ваше высочество! Пойдем пешком... Ноженьки затекли, силушки нет сидеть...

— Ваня, да ты же забываешь, какого я роду?.. Я императорская дочь — пешком ходить не умею...

— Ну, ваше высочество коль любите, пойдете, одному-то несподручно...

Пошла, потому, как любила, ох, как любила, други милые...

Идет, а самой тошнехонько, ноги непривычные — разъезжаются. Уж как-то и жалко стало... „Сядете, ваше

высочество!“ Сели—едут... А у ней, у голубушки, ноженьки тоскуют, не знает куда положить... а он, злодей, опять: пройдемся, да пройдемся, не могу сидеть.

— Ваня, да ты же забываешь, какого я роду — я царская дочь—не могу пешком ходить...

— Ну, ваше высочество!.. коли любите, пройдемся... силы моей нет сидеть...

Пошла... Потому, как любила она Ваню!.. ох, как любила, други милые,—пуще жизни!.. Плачет, а идет... ноги в кровь разбила. И ему-то уж жалко стало...

— Сядем, ваше высочество!..

Сели, едут... она охает, а ему-то и жалко, да и разбирает его, как вспомнит, на патрет-то его наплевала...

„Ну погоди ж“, — думает, — „выучу я тебя...“

— Ваше высочество, пройдемся еще разок!.. затекла моя нога, не усидеть мне...

— Ваня, да ты ж забываешь, какого я роду...

— Да станция-то короче воробьиного шагу... пройдемся... пожалуйста!

Да уж на ее счастье тут и приехали... в его стольный город.

— Теперь надобно нам хибарочку на окраине искать..

— Ваня, а два-то миллиона? Хватит, сердешный друг!..

— Эх, ваше высочество!.. Што тут два миллиона... Это в вашем царстве деньги... А у нас раз плюнуть... Нет... Надобно где-нибудь подешевле... Да вот тут у меня недалеко знакомый старичек проживал, попробуем.

И привел злодей ее, императорскую дочку, в избенку— хуже нет. Дверь на одной петле болтается... оконышко

паутиной затянута, пол земляной... печка разваливается... Смотреть нехорошо.

— Вот, — говорит, — ваше высочество, вы тут оглядитесь, да поприберитесь, а я пойду вакансии искать... — А чего пойду... За углом императорская карета ждала... Сел да во дворец к папаше и приехал... Обрадовался старый осударь...

— Ваня, да пошто ж ты ее мучишь?.. Да признайся, что ты наследник царству могучему, да честным пирком да за свадебку...

— Э-х-э!!! нет, папаша!!.. А зачем она на мой патрет наплевала? Теперь, позвольте, моя воля... Дайте мне топор...

— Да на што ж тебе топор?

— А это уж мое дело.

Попарился Ваня в баньке, чисто платье надел, топор взял, да домой... А она пообгляделась, веник нашла, пол подмела, юбку разорвала, оконышко протерла — стало в избенке попргляднее — запыхалась, на лавочке сидит... Ваню дожидаетца... А он шасть в двери с топором...

— Ну, ваше высочество! — плохо дело, вакансии не нашел... плохо. Вот топор купил, буду бревна рубить... а и вам занятие есть — будете на базаре горшками торговать...

— Ваня! да ты ж забываешь, какого я роду... я императорская дочь, не умею я торговать!..

— Да полно-ко, полно, ваше высочество!.. На обрубочке будете сидеть... деньги принимать, да в кису опускать... а горшки-то будет девушка отпускать... — я уж и приговорил — одна тут есть, а вам и кису приготовил... — И вынимает мешок кожаной...

На другой-то день и приходит девушка ранехонько.

—Здесь молодка, что приехала, на базаре торговать собирается?

— Здесь... Здесь... пожалуйста.

Вот и пошли они... А кругом полиции... полиции... и пешей, и конной на разных лошадях—на черных, на серых, на белых.

Она и спрашивает у девушки:

— Что это, голубушка, как у вас по улицам несподручно ходить, полиции-то сколько?..

— Да не знаю, никогда не бывало так-то: сегодня что-то...

А того никто не знает, что ее, невесту наследника царства могучего, охраняют по приказу Ванину...

Пришли на базар, а на базаре балаганчик, а в нем ни много ни мало — десять тысяч горшков — облива так на солнышке и блестит, около балаганчика обрубочек стоит... Села на обрубочек, кису в руках держит... девушка товар отпускает... она деньги принимает... киса полнится... Идут мимо люди — кому и не надо, горшок купит, больно молодуха хороша: на обрубке сидит, глаз не отведешь... До полудня торговали — ничего... После полудня, откуда ни возмись, полк императорской кавалерии... тр...р...р... Черепками не расторгнешься... Заплакала бедная... пошла домой. Што Ване скажу?! Идет навстречу соседка... „Што такое?“ — „Так и так... не подать ли прошение губернатору?“ „Полно-ко ты, полно... Прощение подавать... все равно что из пустого колодца воду таскать — ничего толку не будет... уж как-нибудь...“ Пришла домой... А злодей на лавке у окошка сидит...

— Слышал, слышал про ваше несчастье, только о том люди и говорят. Ну, да я вам новое дело приспособил: сбитнем торговать будете.

— Ваня... да ты же забываешь какого я роду... Што такое сбитень? Да я и не слыхивала ..

— Полно - ко полно, ваше высочество... мудреного нет ничего! Этакой чаек горяченький... Та же девушка будет наливать, а вы денежки обирать, да в кису опускать...

На завтра-то и приходит та девушка... ранехонько...

— Вставши молодуха, што сбитнем торговать собирается?

— Вставши .. вставши... пожалуйста... это Ваня-то...

Пошли...

Полиции пуще вчерашнего напущено... Пришли на базар. А на базаре-то столы новеньки, а на столах двенадцать самоваров, што жар горят, да паром-то так и пышет, облако над ними так и стоит... а вокруг столов скамейки поставлены. А ей-то опять обрубочек приготовили... села на обрубочек, кису в руках держит... Идут мимо люди, девушка сбитень наливает, она деньги принимает... Кто не хочет, и тот стаканчик пропустит — уж больно молодка-то хороша: на обрубке сидит — взглянешь, глаз не отвести .. До полудня хорошо торговали... После полудня — полк императорской пехоты...

— Повзводно стройся!.. Право плечо вперед!.. Заходи... Сбитню!

Напоили первый взвод — отошел в сторону...

— Второй взвод!.. Право плечо вперед!.. Заходи... Сбитню...

Напоили и второй; отошел...

— Третий взвод, заходи!.. Сбитню!..

— Нет сбитню... весь выпили...

— А-а-а... Нету? Императорской пехоте сбитню нету?

Ну-ка, ребяташки, вали...

Трах... Трах... столы, скамейки без ножек лежат... от самоваров одни лепешки остались... Заплакала бедная, пошла домой... Приходит... а злодей-то у окошка на лавке сидит... Она ему сказывать .. — „Слышал... слышал про ваше горе-злосчастье... только о том и толку по городу... Ну, да не беда. Повезло нам, ваше высочество — мимо дворца я пошел, да знакомово увидал—в поварах у царя живет... Сказывал, прачка во дворец требуется, так я то местечко для вас выпросил...“ И руками всплеснула бедная. — „Ваня!!! да ты же забываешь, какого я роду—я императорска дочь—никогда не стирывала...“ „Ну, ваше высочество, уж как-нибудь... Ведь место-то во какое во дворце... Сыты будем, повар-то обедков обильно с царского стола будет отпускать... А уж я-то вас похвалил... выхвалил... там, вишь ты, иностранку просили... так вы-то по всем статьям подходите... Ну, пожалуйста... ну, коли любите...“

Ох, любила!.. таково любила, други милые!.. согласилася...

Наутро-то пошла... Приходит... А ей — „Пожалуйте отдохнуть“... Глядит — диван золоченый...шелковый...

— Да я ведь прачка...

— Знаем... знаем...—иностранная—для вас и диванчик поставлен.

Села... да полтора часа и отдыхала... Только глядит— и идет это к ней дворцовая горничная. Этак расфуфырена... и на серебряном подносе зарукавье и воротнички несет... А за ней лакей што император, и тоже на серебряном подносе серебряную чашу с горячей водой, да мыла душистого кусок несет... и прямо к ней... — „Уж потрудитесь... Прынцу просили получше выстирать... позаношено...“

Ну, не умела... чего не умела, так уж не умела...

Перемочилась вся... передразгалась... Горничной - то и жалко стало... Дело-то плевое, а муки-то, не умеючи-то, сколько...

„Уж позвольте, говорит, я...“ Живехонько простирула... выгладила:— „Пожалуйста... несите принцу... готово...“

— Да вы мыли—вы и несите...

— Нет уж, велено вам самим...

— Да я дороги не знаю...

— А вот они проведут... — на лакея-то...

Взяла поднос... пошли... Лакей вперед идет, дорогу кажет... двери отворяет... она позади с подносом в белых руках... Идет... а кругом... чистота... лепота... позолочено... Знамо дело императорский дворец — пол-то што в зеркало глядеть... не земляной тебе избяной...

Идет она и думает:

„И этакой-то красоте-этакому богатству я б хозяйкой быть могла... да нет... не променяю я моего Ваню на белу-печальну березу, ни в жизнь не променяю“.

— Пожалуйте... вот и принц...

А злодей-то уж тут... В бархатном халате, на шелковом диване лежит в растяжку... и этак газетиной закрылся, будто читает... рожи-то и не видать... Да этак из-за газетины-то не своим голосом:

— Кто там?..

— Да иностранная прачка... зарукавье да воротнички принесла, изволили приказывать...

— А-а-а...

Да этак из-за газеты руку протянул, да не гляжа ей сотню и отвалил. В то времячко-во какие денежки!..

Она сотню-то схватила, да домой... А злодей-то уж дома. На лавке сидит, дожидается...

— Ну што, ваше высочество, какво?

— Да вот сотню пожаловал...

И пошли у них разговоры... Што на ту сотню сделать надобно. Ему, вишь ты, горшок да ухват надобно, а ей зановесочки на окнышко... Ему — лопата да кочерга, а ей цветочков... да горшочек — другой для красы, для приятности... Ну, и не сталкиются... А тут вдруг за скобку кто-то... Глядь, ан это императорский лакей с царского дворца...

— Здесь императорская прачка живет?

— Здесь... Здесь... пожалуйте... Вот на лавочке сидят... Чего изволите?..

— Велено во дворец на-вечер просить... потому как принц бал задают, так просили всех пожаловать...

— Будут... Будут... — (Это Ваня-то) — Непременно будут...

А она ни жива, ни мертва... ушел лакей...

— Не пойду я, Ваня. С того дворца за меня принц сватался.

— Ну, полно-ко, полно, ваше высочество, сходите, коли любите! Вы вот во дворцах-то выросли, а я только у повара на кухне и побывал... говорят, на царских-то пирах фрукту больно хорошу подают... так принесли те-ко вы мне грушину, да хоть две конфетины... попробовать..

— Ваня!.. да ведь то воровать?..

— Полно-ко, вы, полно, ваше высочество... да генералы целыми шапками домой носят, да что-то не говорят — воровать... а я вам и карманчик для того сам пристегну...

Да и пристегнул карманчик побольше...

Ну, и любила же она его... Пуще света белого... Пошла... Пришла во дворец-то... к двери в уголок жметя!.. а ей слуги-то:— „Пожалуйте на первое место к царскому столу...“

— Да ведь я прачка...

— Знаем... да так велено...

Усадили... народу много, — а императора с принцем еще нет... не выходили...

Вдруг как музыка грымнет... грымнет... двери отворились... повставали все... встала и она... а глаз не подымает... и прошли они так... только что ее не задели... Все уселись и стали лакеи обносить... а музыка потише играет... Вот и думается ей:

— Дай на „белу печальну березу“ погляжу...

Глянула да и глаза зажмурила...

— Ох, как на моего Ваню похоже. Што это такое?..

А раздумывать-то и некогда... потому как фрукту заморскую понесли... и ей грушину выбирать для Вани надобно... одно блюдо пронесли — не приглянулось... другое несут... и лежит грушина... большая... сочная — возьми — так и брызнет, кажись, во все стороны... вот и спустила она эту грушину в карман... да еще две конфетины... а тут вдруг кто-то и говорит принцу-то:

— Ваше высочество. А што же не танцуете?..

А он:

— Да пары не подберу... а впрочем... нашел...

Да с места-то прямо к ней...

— Позвольте просить...

Ну, уж это-то она умела... вот как умела! И пошли они вдвоем... глядеть любо дорого!.. Все по стенкам стоят, на них

глядят, любят... а он, злодей довел ее до середины-то... да ведь сам карманчик-то пристегивал... знал, где узелок дернуть... дернул, а у нее карманчик хлоп... Грушина-то бух на пол, только звезда мокренькая посерединке осталась, да две конфетинки по полу раскатились. А он ей:

— Это что-ж такое?... воровать?!

Она:

— Ах! Ах! Ах!..

Да где стояла тут и легла... Подошли фрейлины, да часа три в ванне ее полоскали—все в чувство приводили... Опамятовалась. Глаза-то открыла, — а ей:

— Пожалуйте в соседнюю горницу, к венцу одеваться... Потому как вы принцу очень понравились — венчаться с вами желают...

Она и не помнит... В соседнюю-то горницу привели... в жемчуг, парчу обряжают... а у ней одно в головушке:

— Как я ему скажу, што одного Ваню люблю!..

Обрядили, в карету посадили, привезли венчаться... А злодей - то уж там у аналая ждет... Обвенчали... Она што во сне... и глаз не подымет... Посадили в карету.. едут молодые... молодая головы не повернет... одна у ней думушка.

— Как я скажу, што Ваню люблю...

Привезли во дворец... за столы посадили набранные... Царь сидит радостный... невесткой любит... молодой сидит радостный... одна молода сидит, ни на кого не глядит — в глазах у ней круги огненные ходят... В головушке у ней одно стучит:

— Как я ему скажу, што я Ваню пуще жизни люблю, ни на кого я Ваню не сменяю!!.

Вот и кончился пир... и повели молодых в опочивальню...
Зерном, хмелем осыпали. И остались они одни... Стоит она
среди горницы, не движутся руки белые... не несут ноги резвые...
Стоит она, што прикована. А он, злодей, своим-то голосом,
Ваниным-то:

— А што, моя мила! На патрет-то мой наплевала, а рук-
то моих не миновала?!

Глянула она — а Ваня-то ей в очи смотрит, да смеется...

— Ваня!! да прости же ты меня, што я на патрет-то
твой наплевала.

— Э-э!.. моя мила, кому у кого прощения просить?! ты
на патрет мой наплевала, а я-то тебя!.. Пешком ходить научил,
торговать, стирать научил, да и воровать научил... Так не
мне-ль у тебя прощенья-то просить?!

.

На другой-то день к ее-то отцу шафету послали... Милости
просим в этакое царство на свадьбу к доченьке.

Приехал иноземный государь. Приданое привез — не
сосчитаешь... Второй раз свадьбу играли... пир пировали, а уж
и весело справили... Музыка-то еще неделю после везде слы-
шалась... Люди шли да приплясывали, ноги сами так в пляс
и шли... — коленца выкидывали.—Так-то, други мои милые...

1915 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Наговорная водица	7
2. Меленка-молодилка	10
3. Горшок	12
4. Как баба шиша напужала	16
5. Дурачок	19
6. Дурни	25
7. Жена доказчица	30
8. Мамыка	36
9. Мудрая жена	46
10. Што на белом свету случаетца	55

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Ваня	59
----------------	----
